

Талантный детектив

Марта Таро

БОМБА
ДЛЯ ГРАФИНИ

Марта Таро

Бомба для графини

Серия «Галантный детектив»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22837330
Марта Таро. Бомба для графини: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-8605-4

Аннотация

1826 год. Что значит рухнуть с вершин благополучия в полную неизвестность графиня Вера Чернышёва познала на собственном опыте: после восстания на Сенатской площади арестован её брат, а затем её семья лишается почти всего имущества. Однако на этом беды графини не заканчиваются – кто-то пытается взорвать её экипаж. Вера удаляется в бабушкино имение, но и в тихом Полесье её снова пытаются убить. Стараясь разгадать смертельную шараду и поймать убийцу, за расследование преступлений берётся капитан Щеглов.

«Бомба для графини» – первый роман Марты Таро, открывающий увлекательный цикл «Галантный детектив», герои и хитросплетения сюжетов которого словно сошли с раскладов загадочных карт Таро.

Содержание

Глава первая. У Цепного моста	5
Глава вторая. Морозный январь	14
Глава третья. Суровый Петербург	31
Глава четвёртая. Генерал-лейтенант Чернышёв	46
Глава пятая. Тайные соперники	57
Глава шестая. Троянский конь	66
Глава седьмая. Конфискация имущества	78
Глава восьмая. В гостях у Загряжской	86
Глава девятая. Платон Горчаков	98
Глава десятая. Кошмарное объяснение	108
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Марта Таро

Бомба для графини

© Таро М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

Глава первая. У Цепного моста

Санкт-Петербург

15 февраля 1826 года

Снег пополам с дождём. Низкие чёрные тучи вдруг словно прорвало, и мерзкая белесая взвесь опустилась на город. Заметалась под порывами ветра, забарабанила в окна, растеклась грязной кашей по брусчатке мостовой. Ну и погода! Хуже не бывает.

На набережной Фонтанки подле Цепного моста (в месте модном и обычно бойком) сейчас не осталось вообще никого. Лишь у крыльца длинного серого дома с узким мраморным балконом ожидал хозяев парный экипаж, и чуть правее, ближе к реке, жалась к парапету извозчичья пролётка.

Холод не в радость, да и стояли давно, так что кучер с лакеем на козлах экипажа успели изрядно переругаться. Сцепились из-за какой-то ерунды, но теперь каждый стоял на своём, и спор становился всё жарче.

– Давай, Ванька, проваливай!.. Иди к себе на запятки! – взбесился наконец кучер и дал молодому лакею хорошего ту-мака.

Парнишка в ответ лишь презрительно сплюнул. Что, мол, возмёшь со старого дурака? Дратся Ваньке не хотелось совсем. Он спрыгнул на мостовую. Прошёлся вокруг. Разгля-

дел в жидкой вечерней тьме закутанного в попону извозчика и возликовал! Вот он – недостающий аргумент! Лакей сразу же позабыл о своих мирных планах и с видом победителя изрёк:

– Вон глянь! Извозчик – а человек справный. Попоной запасся, а у тебя, дурака, и этого нет!

– Так барыня уже скоро выйдет, – отозвался кучер. Он и сам знал, что сплеховал, но выслушивать нотации, да к тому же от «глупых щенков», явно не собирался. Впрочем, лакею стало не до него: заметив, что тяжёлая входная дверь качнулась, отчего бронзовая львиная голова на её створке медленно поплыла вперёд, Ванька бросился к крыльцу – встречать хозяек.

Первой вышла хрупкая дама средних лет, за ней появилась высокая девушка в собольей шубке. Лакей распахнул дверцу экипажа и откинул подножку. Радуюсь, что всё наконец-то благополучно закончилось, он помог хозяйкам разместиться, а сам легко вскарабкался на козлы. Состроив умильную рожицу, Ванька подмигнул кучеру, и тот расплылся в улыбке. Предвкушая возвращение домой, оба уже не вспоминали ни о ссоре, ни о тумакх, ни о пресловутой чужой попоне.

Никто так и не заметил, как запасливый извозчик скинул попону, и оказалось, что прикрывает она не только человека, но и закутанный в мешковину увесистый сверток. Размером с мужскую голову, часто переплетенный бечевкой, свёрток

до смешного напоминал огромного головастика, ведь из его серого бока торчал наружу длинный хвост. Извозчик наклонился и откуда-то снизу, из-под ног, выдернул зажжённый фонарь. Звякнуло стекло в чугунной дверце, ещё мгновение – и торчащий из свертка «хвост» вспыхнул, запалённый от фонарной свечи. Пламя под ветром угрожающе затрещало.

Извозчик кинулся к экипажу. Разглядев в окне силуэты двух шляпок, он явственно крикнул и бросил горящий свёрток в давно облюбованное место – в узкую щель между кузовом и платформой.

Сверток застрял. Но как? Вопреки ожиданиям, он еле держался... Впрочем, исправлять оплошность было уже поздно: экипаж тронулся, а от горящего запала осталась лишь малая часть.

Злоумышленник сплюнул от злости, но тут же взял себя в руки. Нечего локти кусать! Никуда его жертвы не денутся. И так повезло, что лакей с запяток ушёл – убивать не пришлось. Проверая, нет ли свидетелей, преступник оглянулся по сторонам, но набережная казалась вымершей. В ожидании, он замер. Страшный, невыносимый грохот разнёс тишину в клочья. У Цепного моста ржали обезумевшие лошади и кричали люди. Извозчик развернул пролётку. К месту взрыва он ехать не собирался – незачем рисковать. Да и на что там смотреть, коли и так всё ясно?

Дело сделано! Он свободен...

Как же всё-таки хорошо, когда дела сделаны и можно никуда не спешить, но сегодня подобным даже и не пахло. День у генерала Бенкендорфа выдался тяжелым, ну а вечер обещал быть ещё хуже. Александр Христофорович с раннего утра заседал в Петропавловской крепости – разбирал протоколы допросов участников декабрьского восстания. Спешили очень – государь торопил с докладом, и Бенкендорф к вечеру изрядно устал. Он уже собирался домой, когда в крепости появился нарочный с письмом от генерал-губернатора. Тот сообщал, что нынче вечером на набережной Фонтанки случилось доселе невиданное злодейство: какие-то супостаты взорвали экипаж графини Чернышёвой. В завершение письма граф Голенищев-Кутузов нижайше просил Бенкендорфа выехать к Цепному мосту и возглавить дознание по столь возмутительному происшествию.

Каков слог! Прямо-таки пиит, а не генерал-губернатор... Как будто после окаянного прошлогоднего декабря Петербург можно было хоть чем-нибудь удивить. Генеральское раздражение перехлестнуло через край. Поужинал, называется! Александр Христофорович чертыхнулся. Припечатал своё невезение крепким русским словом. Как ни странно, это помогло: раздражение пошло на убыль. Однако выбора всё равно не было. Пришлось ехать к Цепному мосту.

Жандармская команда уже оцепила место взрыва. Старший у них – щеголеватый молодой капитан, произносивший свою самую русскую из всех фамилий Иванов с ударением

посередине, – поднял повыше фонарь и проводил начальство к полуобгоревшему экипажу. От задних колёс остались лишь бесформенные обломки, днище кузова лежало на мостовой, но передняя часть кареты уцелела. Оглобля сиротливо валялась на брусчатке – кони исчезли. Генерал оглянулся по сторонам. Куда дели-то?.. Уловив начальственный взгляд, жандарм подсказал:

– От графа Кочубея дворовых прислали, они и увели лошадей. Пострадавшие дамы как раз от его дома только отъехали, когда рвануло... Сейчас они туда же и вернулись, а у нас вот что...

Иванов указал на тёмный силуэт возле переднего колеса экипажа. Оттуда доносился странный глухой скулёж. Бенкендорф подошёл ближе. Силуэт обрел плоть и превратился в коренастого немолодого кучера. Об этом занятии говорил заткнутый за его кушак длинный ременный кнут. Зажав рот шапкой, кучер рыдал над лежащим на брусчатке телом. Александр Христофорович склонился над трупом. Уведенное поразило генерала: молодой смазливый парнишка, с виду лакей, уставился в беззвездное зимнее небо мёртвыми карими глазами, а ровно посередине его лба торчал здоровенный железный штырь.

– Н-да... – Бенкендорф покосился на жандармского капитана: хотел, чтобы тот поднял фонарь повыше. Но сказать ничего не успел – Иванов заговорил первым:

– Лакей сидел на козлах вместе с кучером. Взрыв прогре-

мел сзади. Парень обернулся, а тут шкворень выбило – и прямо ему в лоб. Мгновенно умер...

Бенкендорфа жандарм раздражал: слишком уж болтлив, да и лезет во все дыры. Отчитать его, что ли? Но сил на это уже не осталось, и Александр Христофорович промолчал. Он лишь похлопал кучера по плечу. Старик вытер слёзы и с испугом уставился на генерала.

– Ты кого видел? Может, мимо кто проходил или проезжал? – спросил Бенкендорф.

– Не видели они никого, – встрял надоедный Иванов, но, понимая субординацию, всё-таки ткнул кучера локтем в бок. – Отвечай его высокопревосходительству.

– Нет, ваше высоко... пре... благородие, – совсем запутался кучер, – не было никого. Не шли и не ехали.

Дело поворачивалось к Бенкендорфу непробиваемым чугунным задом. Радости это не прибавляло. Размышляя, о чём бы ещё спросить, он молча разглядывал кучера. Тот вдруг всхлипнул:

– Ванька попону просил... Справный человек, грит, запасся, а у тебя нет...

– Какой такой справный? Ты что ж это молчал, дубина стоеросовая?! – взревел Иванов. Он схватил кучера за грудки и теперь тряс его, как грушу.

Бенкендорф не стал вмешиваться – пусть сами разбираются.

– Так я не видал ничего, – оправдывался перепуганный

кучер. – Сзади нас тот извозчик стоял. Ванька слез и увидел его. Про попону мне сказал, а тут барыня вышла.

– Да как же он мог подъехать, а ты не слышал?! – бесновался жандарм.

– Так снег ведь, ветрище опять же. Кто ж его услышит...

Александр Христофорович прошёлся вокруг экипажа, поглядел. Колёса – всмятку, от запяток ничего не осталось, и даже в густой лиловой тьме было заметно, что брусчатка рядом с каретой выбита. Генерал всмотрелся. Так и есть: прямо у въезда на Цепной мост зияла приличная яма.

– Так что же пытались взорвать? – подумал он вслух.

– Нет ясности, ваше высокопревосходительство, – отозвался Иванов.

Генерал аж вздрогнул. Что это, прости господи, за человек такой? КрадётсЯ, словно тать в ночи! Бенкендорф не собирался отвечать наглецу, но тому и не требовалось. Капитан упивался собственным красноречием:

– Не похоже, чтобы мост взрывали. Зачем на брусчатку заряд класть, если его можно снизу, к балкам прикрепить? Нет-с, бомбу с моста под карету кинули!

– Или раньше положили, но она в этом месте скатилась на мостовую, а экипаж уже снизу взрывом задело.

– Ну-с, тогда это либо извозчик, либо кто-то из того дома, где карета стояла.

Вот что значит: из молодых да ранних! Ну и апломб... Прямо хоть сейчас в Государственный совет! Терпение

у Александра Христофоровича лопнуло:

– Помнится, граф Кочубей ещё пару лет назад возглавлял Министерство внутренних дел. Я надеюсь, что вы не подозреваете столь уважаемого человека в подобном злодеянии? – генеральский тон был подчеркнуто ровным.

Жандарм переменился в лице. Он злобно пнул ногой выбитые куски брусчатки, вытянулся по стойке «смирно» и объявил:

– Никак нет, ваше высокопревосходительство! Я неточно выразился. Хотел сказать, что злоумышленник мог спрятаться в доме графа.

– А почему не в каком-нибудь другом? Вон их тут сколько...

– Да, вы совершенно правы!

Амбициозный дурак сдувался на глазах – так превращается в грязный лоскут тряпичная кукла с выпавшими опилками. Ну что ж, с паршивой овцы – хоть шерсти клок. Позабавились – и ладно. Впрочем, дело было не в злорадстве, а в принципе: таких молодцов надобно всегда на место ставить. Щёлкать по носу. А то что это за мода такая пошла – без пиетета к сильным мира сего относиться? Если ты Иванов, так и бегай со своими жандармами по улицам, а начальству советы давать – не твоё собачье дело.

Больше на месте взрыва смотреть было нечего, и генерал зашагал к дому Кочубеев. Жандарм пошёл было за ним, но Бенкендорф приказал ему остаться. Чего-чего, а уж лишних

ушей при разговоре с графиней Чернышёвой ему совсем не требовалось. Александр Христофорович не сомневался, что мишенью злоумышленников была именно эта дама. Даже более того, он знал человека, ради которого и устроили нынешний взрыв.

Неужто крыса попалась? Вот забавно... Новый агент уже предупреждал Бенкендорфа о такой возможности. Но так скоро?... Даже не верилось, что соперник мог настолько потерять осторожность. Если фортуна не отвернётся, а пойманная за хвост ниточка не оборвется, интригану конец... Господи, помоги! Не оставь милостью... Ну и агент – просто находка! Всего месяц – и дело в шляпе... Не сглазить бы только...

Бенкендорф вдруг рассердился. Разозлился на себя самого. С чего это он так разволновался? Разошёлся нервами... Ему-то чего опасаться? Ведь всё сто раз уже думано-передумано и подготовлено вплоть до мелочей.

Александр Христофорович на мгновение прикрыл глаза, перекрестился, а потом взбежал на крыльцо дома Кочубеев. Ох, удача, не подведи!

Глава вторая. Морозный январь

Москва

Месяцем ранее

Ох, мороз-мороз!.. Целую неделю в Первопрестольной лютовали холода, загоняли москвичей по домам – в тепло, к печкам и каминам. Улицы опустели. Пешеходов – раз-два и обчёлся, ну а выездов и в помине нет. Все коней берегут: жалуют рысистых... Всё так, да только не на Тверской. Вот где жизнь бьёт ключом! Никогда не спит Тверская, вечно спешит по своим делам. Торгует, молится, а то и красуется – распускает павлиний хвост: гляньте, мол, православные, на красу неопишемую. Так что и нынешним январским утром птицы на лету мерзли, а на Тверской народу хватало. Бойким шагом передвигались вдоль стен домов укутанные до бровей пешеходы, а по накатанной колее среди заснеженной брусчатки даже катили одинокие сани.

Чёрный, как ночь, крупный рысак звонко бил дробь на обледенелой мостовой, сани с высокой лакированной спинкой радовали глаз изящными обводами, но главным украшением этой зимней картины были не они, а закутанная в меха пассажирка. Алые от мороза щеки, угольные ресницы и крупный коралловый рот яркими мазками оживляли мраморную красоту правильных черт. В санях сидела безупреч-

ная, редкостная красавица, вот только казалась она на удивление грустной.

– Краля сахарная!.. – Юный приказчик с огромным – в половину его роста – лубяным коробом в руках аж на ходу запнулся. Замер с открытым ртом. Прикипел к чаровнице взглядом, а потом и вовсе шагнул назад – побежал вслед за санями. И с разбегу на кого-то налетел. – Чёрт!.. – распетушился он, но язык тут же присох к гортани: конопатый парнишкин нос упёрся в серое сукно офицерской шинели. Приказчик поднял глаза и наткнулся на острый взгляд прищуренных карих глаз. Офицер глядел строго, но без злобы.

– Звиняйте, ваше благородие!..

Что делать дальше, парнишка не знал. Может, надо было сразу в ноги? Не дай бог, в сердцах по уху съездит... Но офицер лишь кивнул. Обогнул приказчика вместе с его коробом, словно афишную тумбу, и чётким строевым шагом двинулся дальше – к Страстной площади.

Парнишка остался сзади и не видел его улыбки. Да и можно ли было так назвать сомнительную кривоватую ухмылку? Ведь один угол рта у офицера поднимался выше и дальше другого. Впрочем, никакой другой улыбки у капитана Щеглова всё равно не было. Уж какая есть. А сейчас он и впрямь искренне забавлялся: мальчишка-приказчик, остолбеневший при виде красавицы аристократки. В том, что девушка в санях – дворянка из богатых, а может, и вовсе из титулованных, капитан не сомневался. В отличие от юно-

го приказчика, он отметил и грустный, будто б устремленный внутрь себя, взгляд девичьих глаз. Да, видно, не очень проста жизнь у этой закутанной в соболя незнакомки. Муж небось ревностью изводит. Ну а как же иначе с такой красотой? Впрочем, самого Щеглова это совершенно не касалось. Он вообще-то был в Москве проездом и никого из здешних жителей не знал. Вот дойдет капитан до Страстного монастыря, поставит свечки за упокой души, поминовение своим закажет и вновь отправится на почтовую станцию. И хотя Щеглову до смерти не хотелось ехать в Петербург, выбора у него всё равно не было. Ничего не поделаешь. Служба.

Ничего не поделаешь. Придется ей пойти на хитрость. Графиня Вера Чернышёва отлично понимала, что выбора у неё нет. Надо докопаться до истины, пока не стало слишком поздно... А может, она уже и так опоздала?..

Поводов для тревоги было предостаточно. В доме что-то не ладилось, но в чём дело – так до сих пор и осталось загадкой. Правду знали лишь мать и брат, но две недели назад Боб вдруг прервал долгожданный отпуск и среди ночи ускорился в столицу, а Софья Алексеевна с тех пор казалась непривычно задумчивой и от вопросов дочери старательно уходила. Пришлось Вере сбавить напор – она боялась настояжить родных, а это в её планы совершенно не входило.

Как-то так само собой вышло, что за последние годы к ней отошли все многочисленные обязанности по ведению се-

мейных дел. Вере это не просто нравилось, сказать по чести, она этим жила. Начиная, она даже не подозревала, насколько увлечётся этим, казалось бы, неженским делом. Но пришёл первый успех, а планы воплотились в жизнь, и Вера вдруг осознала, что это и есть её истинное призвание. С тех пор всё у неё великолепно получалось, но медаль имела и обратную сторону: Вера уж слишком явно отличалась от своих томных и легкомысленных ровесниц. Пока мать и брат не придавали этому особого значения, можно было и не волноваться. Главное, чтобы они вдруг не опомнились и не озаботились бы поисками «подходящего» жениха. А вот этого Вера боялась панически. И было с чего.

Никто этого не знал, но Верино сердце давно было занято. Плохо было лишь то, что избранник почему-то смотрел на неё как на друга, и что делать в этой печальной и где-то даже унижительной ситуации, Вера не знала. Внутри собольей муфты она привычно погладила крохотную миниатюру, написанную на овальной пластинке слоновой кости, – это было всё проявление чувств, которое могла себе позволить приличная девушка.

Утренняя поездка по морозной Москве принесла столь редкие минуты полного уединения. Сейчас Вера принадлежала лишь самой себе и, дав волю сердцу, привычно ушла в печальные размышления.

С Джоном они давно сделались лучшими друзьями. Она понимает его с полуслова, а он поёт только для неё... Но это

– всё! Почему же Джон так никак и не решится на следующий шаг?

Ответа Вера не знала. Она была красива, умна, богата и... совершенно не нужна своему любимому. Наверное, в ней что-то оказалось не так, если она вызывала в красивом, полном сил мужчине лишь товарищеское участие. Джон хотел с ней только дружить. Да, именно это слово. Дружить – и не более... Впрочем, она сама виновата – по-мужски увлеклась делами. Кто ж сможет полюбить конторщика?..

Вера прекрасно понимала, что губит собственное счастье, но ничего не могла с этим поделать. Так сложилась жизнь, что её отец – граф Александр Чернышёв – погиб в двенадцатом году, оставив после себя вдову с четырьмя детьми на руках. Вера его помнила смутно. В глубине её души теплилось воспоминание о больших ласковых руках, любви и защищённости, и теперь, четырнадцать лет спустя, образ отца сделался для неё идеальным, почти святым видением, а служение его памяти – потребностью души. Она изо всех сил старалась хоть в чём-то заменить родным покойного главу семьи и ликовала, когда это удавалось. Вера часто видела отца во сне. В этих прекрасных снах они держались за руки и гуляли, а она рассказывала, как старается быть опорой семье, и отец хвалил её, называя «моя девочка». Утром Вера просыпалась счастливой, а мягкий, глубокий голос отца ещё долго звучал в её ушах.

Именно голос и сыграл с ней странную шутку. Два года

назад мать взяла Веру в гости в одно из подмосковных имений. Хозяйка его, бывшая до замужества известной оперной дивой, получила от любящего мужа царский подарок: собственный театр. Назвать его домашним можно было лишь с очень большой натяжкой. Вере тогда показалось, что он ничем не отличается от Большого: так же несколько ярусов блистающих золотом лож окружали широкий партер с морем бархатных кресел. Но и великолепие зала и очарование музыки сразу забылись, когда на сцене появился красивый голубоглазый блондин. Как же он пел! Вера услышала голос из своих снов. Так к ней пришла любовь.

После спектакля Вере представили красавца баритона. Маркиз Харкгроу – так именовался этот молодой англичанин вне сцены – оказался умным, воспитанным и невероятно обаятельным. Младшая дочь Чернышёвых, Любочка, – обладательница не слишком сильного, но красивого голоса и идеального слуха – уговорила мать пригласить маркиза к ним в дом. Ей очень хотелось спеть для оперной знаменитости. Лорд Джон послушал и предложил Софье Алексеевне заниматься с её дочкой вокалом в то время, пока он будет в Москве. Дальше всё оказалось лишь делом времени – обаятельный англичанин сразу расположил к себе и саму графиню, и её дочерей, да и наследник Чернышёвых быстро с ним подружился. Лорд Джон был знатен, богат, им восхищались в лучших домах Москвы, и Софья Алексеевна со всей щедростью русского сердца приняла его в собственную семью.

Графиня так и не догадалась, как страдает по голубоглазому баритону её такая сильная и разумная старшая дочь.

Все в доме уже считали Джона чуть ли не роднёй. «Когда все свои, то никто ни в кого не влюблен, а все дружат», – размышляла Вера. Ну и как ей теперь поступить? Набраться храбрости и сделать решающий шаг?.. Но ведь это неслыханно! Если мама узнает, она ужасно расстроится.

Вера слишком дорожила своими отношениями с матерью и ни за что на свете не хотела бы разочаровать Софию Алексеевну. Нет, решиться на объяснение просто невозможно! Оставалось поступать так же, как и прежде: терзаться, но молчать. Вера вновь провела мизинцем по портрету своего кумира. Руки она прятала в муфте, чтобы никто не увидел ни миниатюру, ни пальцы. Подобных уловок за два года своей тайной любви Вера выдумала немало, но ближе к заветному предложению руки и сердца они её так и не привели.

Впереди показалась трехэтажная светло-желтая громада дома Чернышёвых, а на морозном солнце засверкал белый мрамор его колонн. Вот прогулка и закончилась. Пора спрятать собственные тайны и заняться делами семьи. Не хотелось пугать мать, но надо же всё-таки узнать, что та скрывает. Как говорится, «кто предупрежден, тот вооружён». Проще всего мягко навести Софию Алексеевну на нужные темы и нащупать в её ответах крупинцы правды...

Сани остановились у крыльца.

– Пожалуйста, барышня, – торжественно объявил кучер.

Вера привычно переложила портрет Джона из муфты в карман шубы и откинула полость. Кучер помог ей переступить из саней на мраморные ступени. Лакей распахнул дверь, и Вера прошла внутрь. Вестибюль согрел теплом. Даже жарко... Или это с мороза так кажется? Вроде, когда уезжала, этого не было...

Вера отдала слуге муфту и перчатки, расстегнула шубу и потянула её одной рукой с плеча, а другой попыталась нащупать в кармане драгоценную миниатюру. Но маленького овала в золотой рамке не было. Карман был пуст. Господи! Да что же это?..

Она порылась в другом кармане – бесполезно. Портрет исчез. Вера в растерянности уставилась на свои руки, потом на тёмно-синий бархат шубки, затем на пол. Миниатюры нигде не было. Скорее всего, та выпала на улице или в санях. В надежде увидеть свою драгоценность на ступенях Вера выскочила на крыльцо и опять ничего не нашла. Значит, портрет выкатился на Тверской, осознала она.

На ходу запахнув шубу, Вера слетела с крыльца и вдруг застыла. Увиденное потрясло её. Крепко вдавленная в колею, на снегу валялась миниатюра, вернее, то, что от неё осталось: расплюснутая золотая рамка ещё держала несколько осколков слоновой кости, но лица у красавца баритона уже не было. Вере на мгновение показалось, что невидимая рука вбила ей в сердце огромный толстый гвоздь – дыхание перехватило, а глубоко внутри полыхнула и растеклась по жилам

невыносимая, острая боль.

Это – знак, поняла она. Не нужно питать иллюзий. Но душа не хотела с этим мириться. Нет, нет и снова нет! Это просто совпадение – не более. Суеверия в доме Чернышёвых не приветствовались, да и сама Софья Алексеевна не уставала повторять дочерям, что не бывает ни дурных знаков, ни плохих примет. Вера, хоть сама и думала иначе, предпочитала с матерью не спорить. Вот и сейчас она точно знала, что это – предупреждение. Но сердце не принимало его. Вера подняла остатки миниатюры, сунула их в карман и вернулась в дом.

В вестибюле, презрительно щурясь на лакея, цаплей вышагивала по паркету гувернантка младшей сестры. Англичанка явно искала Веру.

– Ваше сиятельство, графиня ждёт вас в своём кабинете, – торжественно провозгласила она, – ваши сестры уже там.

– Благодарю вас, мисс, сообщите матушке, что я сейчас буду, – отозвалась Вера в надежде, что гувернантка пойдёт вперёд, а она сможет незаметно избавиться от остатков миниатюры.

Так оно и получилось: англичанка затопала по ступеням и быстро скрылась за поворотом лестницы. Передав шубу лакею, Вера крепко зажала в руке осколки слоновой кости и гнутую рамку. Оставшись одна, она подошла к простенку меж окон. Там красовалась огромная – в половину человеческого роста – яшмовая ваза. Остатки миниатюры полетели внутрь. Ну, вот и всё... Можно даже сделать вид, что ника-

ких предупреждений и не было. И вообще, пора подумать о семье...

Гадая, не решилась ли Софья Алексеевна открыть наконец-то правду, Вера поспешила наверх.

Софья Алексеевна смотрела в окно. Ждала свою старшую дочь... Внизу промелькнула чёрная спина жеребца, а следом сани. Ну, наконец-то! Графиня тихо вздохнула и отошла к своему креслу. Уселась за письменный стол – утонула в нише, вроде бы спряталась. Вот только от чего?.. Разве от беды спрячешься?..

У противоположной стены на высоком резном диване устроились её младшие. Девочки склонили друг к другу кудрявые головы и о чём-то тихо шептались. Юные и прекрасные. Нежные, как бабочки... Графиня не стала окликать дочерей, просто не могла – цеплялась за последние минуты прежней жизни. Ещё можно было помолчать, ведь, когда дети услышат правду, всё закончится. Сама она узнала о несчастье ещё две недели назад, когда её сыну, уже с месяц гостившему в родительском доме, кто-то из приятелей рассказал о подавлении в Петербурге восстания гвардейских полков.

Владимир тогда вернулся домой непривычно растерянным, а уже через час заказал почтовых и ускакал в полк. Перед отъездом он успел сказать матери то, что скрывал от неё последние три года. С ужасом узнала Софья Алексеевна, что её ребёнок давно состоит членом тайного общества, за-

думавшего переменить порядки и власть в России.

— Поймите, мама, я должен ехать. Я не стоял с моими друзьями под пулями, но хочу быть с ними теперь. Вдруг кто-нибудь попросит моей помощи: им ведь придётся бежать. Потребуются деньги, а не у всех они есть.

— Но как же ты? Наверно, тебе самому нужно уехать, — робко предположила графиня, отчаянно пытаясь оценить тяжесть свалившегося на семью несчастья.

— Я не участвовал в восстании, меня не тронут. А вот мои друзья пострадают. Я не могу поступить иначе... Не нужно плакать, всё образуется, и я вернусь домой через пару месяцев.

Но прискакавший сегодня из Петербурга лакей сообщил, что обещания своего молодой граф уже не сдержит, поскольку его арестовали сразу же по приезде. Виновато отводя глаза, слуга докладывал о происшедшем:

— В ту же ночь, как его сиятельство приехали, за ним жандармы и пришли. Барину только одеться и дали, а больше ничего не позволили, даже вам, матушка, письмо написать не разрешили. Все бумаги, что в кабинете имелись, перерыли, а потом, когда барина уводили, с собой их забрали.

Удар оказался так силён, что Софья Алексеевна надолго замолчала. Она ощутила страшное биение сердца, морозную дорожку нервной судороги в углах губ и огромный вязкий ком в горле, который она никак не могла проглотить. Пронзительное чувство непоправимого несчастья придавило её.

Наконец, когда слуга уже решил, что пора звать на помощь графиню Веру, хозяйка тихо спросила:

– Куда увезли моего сына?

– Говорят, что всех офицеров в Петропавловскую крепость свозят. Мне слуги Лавалей шепнули. У тех ведь хозяйского зятя арестовали – князя Трубецкого.

Софья Алексеевна вспомнила хохотушку Катрин – старшую дочь своих соседей по Английской набережной, графов Лавалей, но сейчас горе другой женщины её даже не взволновало. Своя рубашка – ближе к телу.

«Но за что?.. За какие преступления? Сколько раз можно забирать самое дорогое?.. Сначала муж. А теперь ещё и сын?.. Боб в восстании не участвовал, а его арестовали. Как же так? Где справедливость? Да нету её! Нет и никогда не было», – убивалась графиня.

Мысли о сыне отрезвила Софью Алексеевну. Надо же что-то делать, выручать своего ребёнка! По крайней мере, ехать в Петербург. Из всей близкой родни у неё осталась только незамужняя тётка – сестра отца, бывшая фрейлина покойной императрицы Екатерины. Зато по мужниной линии в Северной столице имелся очень даже влиятельный родственник. Александр Иванович Чернышёв хоть и относился к нетитулованной ветви рода, но зато смог выбиться в любимцы недавно умершего императора Александра. В своё время покойный муж Софьи Алексеевны много помогал молодому кузену, долг – платежом красен, пришел черед Алек-

сандра Ивановича помочь сыну умершего благодетеля.

Но до отъезда в Петербург следовало объясниться с дочерьми. Софья Алексеевна до боли стиснула руки, лишь бы не застонать. Её ненаглядные девочки! Бриллианты в короне матери. Как она их обожала и как ими гордилась! Когда-то она захотела назвать малышей в честь дочерей своей небесной покровительницы, и тогда муж – не слишком набожный сам, но уважавший глубокую веру своей Софи – отнесся к желанью супруги с пониманием. Поэтому родившиеся вслед за первым сыном маленькие графини Чернышёвы получили имена Вера, Надежда и Любовь. Возможно, материнское чутье подсказало Софье Алексеевне эту мысль, или она видела лишь то, что хотела видеть, но ей почему-то казалось, что озвученные в именах христианские добродетели ярко проявились и в натурах дочек. Старшая, Вера, или Велл, как её обычно звали дома, – умная, сильная, хваткая – к девятнадцати годам сделалась матери незаменимой опорой. Средней – жизнерадостной и волевой Надин – Бог послал редкий оптимизм и несгибаемую силу духа. Ну а о младшей и говорить было нечего. Любочка и впрямь оказалась нежным и трепетным сердцем семьи.

Как же ей рассказать дочерям об этом кошмаре? Девочки уже потеряли отца. А теперь что? Ещё и брата лишатся?.. Даже если всё обойдётся и Боба оправдают в суде, ему всё равно придётся уезжать, ведь в армии его не оставят, да и в свете он сделается изгоем. Неизвестно теперь, как встретят

в столице юных графинь Чернышёвых.

Софья Алексеевна еле сдержала слёзы. Как теперь жить? Где взять силы?.. Больно кольнуло сердце – это напомнила о себе совесть: нечего рыдать по благополучным детям, обделяя несчастного. Мать называется! Как бы ни отнеслось теперь светское общество к её дочерям, они всё-таки были свободны и жили в родном доме. При таком приданом девочки обязательно найдут женихов если не в столицах, так в деревне, значит, устроят свою жизнь. А вот Боб...

Дочки в своём уголке сначала дружно фыркнули, а потом и вовсе расхохотались. Звонко, заливисто, неудержимо. А графиня даже не смогла им улыбнуться. Ей вдруг показалось, что этот кошмар послан из-за её гордыни. Слишком уж она восхищалась собственными детьми. Слишком уж их превозносила... Но разве же она не права? Вся Москва ценила яркую, даже броскую красоту её дочерей. Черноволосые, как их отец, девочки взяли от матери белую кожу блондинок. Тонкие черты их лиц почти повторяли друг друга, и лишь глаза отличались оттенками: светлые у самой старшей и младшей, у Надин – они получились яркими и густо-синими. В прозрачной глубине Вериных глаз вокруг зрачка плавало множество темных точек, отчего их голубизна отливала необычным лиловатым оттенком, ну а у Любочки похожие точки оказались зелеными, и её глаза напоминали цветом спокойное теплое море. Так что не ошибалась мать, когда гордилась своими дочерьми. Всё было справедливо. Да-

же самые злобные критики в Москве давным-давно признали тот факт, что юные графини Чернышёвы хороши собой необычайно.

Софья Алексеевна вздохнула. Господи, как же всё у девочек прекрасно начиналось! А что же теперь?..

Любочка окликнула её, отвлекла от раздумий:

– Мамочка, а правда ли, что Зинаида Александровна вернулась, и теперь у соседей каждый вечер будут петь итальянскую оперу? – спросила она.

Вопрос оказался из прошлой жизни. В нынешней развлечений места не оставалось. Но как объяснить это дочерям?.. Софья Алексеевна лишь развела руками:

– Мы с вами не узнаем, чем станет развлекать своих гостей княгиня Зизи, поскольку на приём к ней не попадём. Я должна вам кое-что рассказать, но давайте подождём Велл, она скоро будет.

Странное это оказалось чувство – наблюдать, как последние секунды прежней жизни улетают в вечность. В коридоре послышались шаги, и в гостиную вошла Вера. Мать даже не успела ей ничего сказать. Хватило лишь взгляда. Глаза Веры расширились, она побледнела и, поразив всех, тихо спросила:

– Что произошло? Это Боб? Он идёт на войну?

– Нет, Велл, дело гораздо хуже. Твой брат перед отъездом признался мне, что состоял в тайном обществе, – объяснила графиня, а потом собрала с духом и рассказала главное: –

Они не захотели присягать новому императору и вышли на Сенатскую площадь, требуя перемен. К сожалению, государь счёл их бунтовщиками. Теперь всех, кто состоял в этом тайном обществе, арестовывают. Вашего брата тоже схватили. Нам нужно ехать в Петербург. Я хочу повидать своего сына. Мне в этом праве не должны отказать.

Девушки молчали. У них просто не укладывалось в головах, что красавчик Боб – брат, душка, мечта всех московских красоток – и вдруг сидит в тюрьме. Этого просто не могло быть! Но посеревшее лицо Софьи Алексеевны, её полные муки глаза не оставляли места иллюзиям.

Первой опомнилась Вера. Она кинулась к матери. Обняла хрупкие плечи.

– Всё будет хорошо, – прошептала она, – и Боб обязательно вернётся.

Пытаясь удержать слёзы, Софья Алексеевна молчала. Дочка выросла такой стойкой! Так и подмывало довериться ей. Пусть сама принимает решения – Вера ведь никогда не ошибается! Поймав себя на этой мысли, графиня устыдилась. Кто, кроме матери, должен заниматься делами сына? Вот то-то и оно...

Она взгляделась в бледные лица своих дочерей.

– Вы поедете со мной? Я могу оставить вас здесь с кузиной Алиной. Попросим её переехать к нам в дом...

– Нет, мы, как всегда, должны быть вместе, – отозвалась Вера, а младшие за её плечом закивали.

– Я тоже не хочу с вами расставаться, мне спокойнее, когда вы рядом, – призналась Софья Алексеевна и уже тверже повторила: – Значит, решено. Едем!

Так вот и началась у Чернышёвых новая жизнь. С внезапного переезда в Северную столицу.

Глава третья. Суровый Петербург

Столица! Не зря капитану Щеглову так не хотелось сюда ехать. Как чувствовал, что толку не будет. Перед отъездом он так и сказал губернатору Ромодановскому:

– Зря вы, ваше высокопревосходительство, меня выбрали. Вот увидите, ничего из этой затеи не получится.

Добрейший Данила Михайлович тогда сильно расстроился. Вспыхнул до корней седых волос и с неподдельной обидою спросил:

– Так ты предлагаешь мне обмануть высочайшее доверие? В циркуляре ясно сказано, что государь потребовал выбрать во всех губерниях достойнейших из достойных. Вот их-то и откомандировать на службу в Петербург. Столичной полиции нужны честные и опытные люди. Ты уже десять лет капитан-исправником ходишь. Дело знаешь, как никто другой. Кого же мне ещё было выбирать, если не тебя?

Губернатора своего Щеглов любил. Шутка ли – с одиннадцатого года вместе! Всю войну бок о бок прошли, а когда обрушилась на Щеглова беда – да такая, что в пору руки на себя наложить, – прежний командир его спас: забрал из родных мест в далёкую губернию, доверил целый уезд. Глядя на поджатые в скобку губы Данилы Михайловича, Щеглов очень скорбел, что обидел старика, но и смолчать не мог. Неужто он для командира ничего не значит? Решил его в

столицу отправить? Надоел, что ли?..

Губернатор его, как видно, понял. Потрепал по плечу, сказал виновато:

– Ты, Петруша, не серчай. Прежде чем лютовать, головой немного подумай. Вспомни, что скоро срок подходит тебе переизбираться. А ты за десять лет много недоброжелателей нажил. Вот возьмут тебя уездные дворяне и прокатят, и тогда даже я помочь не смогу. А тут столица всё-таки. Жалованье хорошее, в чинах подрастешь. Квартиру тебе предоставят. Это не здешняя дыра, где тебе денщик кашу в котелке варит. В столице хозяйка нужна. И там есть из кого выбрать. Женишься. Даст Бог, детишки пойдут...

Динила Михайлович стыдливо потупился. Тема эта была меж ними запретная. Десять лет ни слова сказано не было, а тут – на тебе, командир свахой заделался. Щеглов тогда промолчал. А что говорить? Стыдить человека, которого любишь, как отца родного? Язык не поворачивался... Пришлось ехать.

О том, что император Александр скончался в Таганроге, Щеглов узнал уже в пути. Как и все в империи, он искренне считал, что власть примет великий князь Константин Павлович. Вышло же иначе: наследник престола сидел в Варшаве и короноваться не собирался. Страна присягнула сначала Константину, а потом (во второй раз) – его младшему брату, Николаю. Тут уж вышло совсем худо: часть столичных гвардейцев на новую присягу не пошла, а двинулась напрямик на

площадь. Новый государь бунт подавил, заговорщиков посадил в крепость, и теперь в Петербурге дым стоял коромыслом: летели с насиженных мест герои прежнего царствования.

«Никто сейчас не станет заниматься судьбой уездного исправника, – размышлял Щеглов. – Нужно было ещё из Москвы повернуть обратно. Зачем тащиться в Петербург, если здесь такая свистопляска. Хотя, с другой стороны, возвращаться всё равно некуда». Понятно, что на его место замену быстро не найти. Уезд сложный, а главное – немаленький. Но сам-то капитан Щеглов уже написал прошение об отставке в связи с переводом в столичный департамент Министерства внутренних дел. Так что ни должности, ни квартиры, ни жалованья у Щеглова уже не было. Думай – не думай, ничего уже не изменишь. Нужно брать предписание и идти в департамент. Места искать.

Часов в маленьком номере, снятом капитаном в Демутовом трактире, не было, а карманных у него отродясь не водилось, пришлось определяться по солнцу. Слава богу, небо было ясным, и Щеглов легко справился. Но и определившись, идти он никуда не спешил: все тянул и тянул время, пока не дождался трёх пополудни. Ещё чуть-чуть – и день кончится. Пришлось надевать мундир, брать предписание и двигаться на Большую Морскую. Благо идти было недалеко.

При резиденции обер-полицмейстера оказалась и съезжая часть. Так что народу в двухэтажном здании набилось предо-

статочно. Чуть ли не час ушёл у Щеглова на поиски нужного столоначальника. В трех местах его предписание внимательно изучили, но результат оказался один: посылали ещё куда-то. Может, конечно, эта беготня и напоминала обычную столичную неразбериху (Щеглов в столицах прежде не жил), но подозрение, что это неспроста, не покидало капитана с самого начала.

За окнами почти стемнело, когда очередной служивый – на сей раз кругломордый толстяк с рыжими усами – отправил Щеглова в последний из имеющихся на этаже кабинетов.

– Панкратий Иванович у нас этим занимается. Он вас направит, куда нужно, – сообщил рыжий и демонстративно захлопнул дверь перед носом надоедливого провинциала.

«Последняя попытка, – сказал себе Щеглов. – Не возьмут – значит, домой. Пусть командир вновь на службу принимает, хоть ординарцем, хоть писарем».

В кабинете, сплошь заставленном шкафами, стоял единственный стол. Горы конторских книг стопками лежали на подоконниках и на стульях. На столе же незанятым оставался лишь центральный маленький пятачок. На нём и расположился костистый немолодой чиновник в круглых проволочных очках. Строго оглядев посетителя, он осведомился:

– Чего вам?

– Капитан Щеглов. Прибыл к новому месту службы...

Предписание легло на зелёное сукно прямо перед носом

чиновника, но тот даже не посмотрел на бумагу.

– Какой губернии? – спросил он со вздохом.

Щеглов объяснил. Панкратий Иванович поднялся и засеменил к дальнему из шкафов. Вынул толстый grossбух, открыл его и долго листал страницы. Наконец объявил:

– Капитан Щеглов, Пётр Петрович. Местом службы определена съезжая часть на Охте.

– Можно приступать?

Старичок захлопнул свой grossбух и развел руками.

– Списки сии утверждены самим Аракчеевым, – объяснил он и посмотрел на Щеглова со значением.

Что бы это значило, капитан не понял. Ясно, что утверждено Аракчеевым. Кем же ещё?.. Весь последний год, пока покойный государь изволил проживать в Таганроге, от его имени правил всеильный временщик.

Панкратий Иванович всё глядел на Щеглова. Верно, ждал, что тот сам догадается. Потом вздохнул и объяснил тугодуму:

– Аракчеев от дел отставлен. Все его последние распоряжения силы более не имеют. Ваш перевод тоже. Теперь нужно ждать, пока дело заново рассмотрят и списки вновь по инстанциям пройдут. Вы не один такой – всем от ворот поворот даём.

– В каком смысле? – опешил Щеглов. – Получается, что я у себя в уезде места лишился, а здесь не получил? Ничего себе перевод!

– Не лишился! – Чиновник наставительно помахал скрюченным коротким пальцем. – В том-то всё и дело. Перевод на то и перевод, что до заступа на новое место службы старое за дворянином сохраняется. Так что езжайте себе спокойно домой. Жалованье за время отсутствия вам выдадут, как положено, ну и, само собой, квартирные. Ничего не потеряете. Служите пока, а там, глядишь, новый вызов придёт. Сразу предупреждаю, быстро не получится. До коронации никаких назначений не будет. Может, и министр у нас сменится али ещё что...

Старичок опасливо прикрыл рот костистой рукой, закатил глаза за стеклами очков (мол, сказал по простоте душевной, не выдавайте начальству). Увидел довольную улыбку Щеглова и заулыбался сам.

– Значит, я могу отправляться? – уточнил капитан. – Мне что, никакой бумаги не положено?

– Да кто же сейчас на подпись решится?.. – намекнул Панкратий Иванович и, выразительно поглядев на дверь, стал собирать бумаги.

Щеглов счёл за благо откланяться. Теперь он спешил домой. Через час почтовая тройка забрала его из Демутова трактира. Щеглов попросил ямщика провезти его напоследок вдоль Невы. Кто знает, может, в другой раз побывать в Петербурге и не доведётся. Ну как не посмотреть столичные красоты?

Выехали на Невский. Мимо промелькнули фасады домов,

потом арка Адмиралтейства. Вот и Нева. Тройка свернула на Английскую набережную, и чуть не столкнулась с красивым лаковым экипажем, запряжённым четвернёй. Кибитка Щеглова оказалась так близко от его блестящего бока, что капитан даже испугался: вдруг осями сцепятся? К стеклу в окне чужой кареты прижалось испуганное девичье лицо. Красивое. Где-то Щеглов уже видел эти большие светлые глаза. Но где?..

Память у капитана всегда была отменной, и он вдруг с изумлением узнал грустную красавицу с Тверской. Чудеса, да и только!.. Но как же она попала в Северную столицу, да ещё и на Английскую набережную?

В свой дом на Английской набережной Чернышёвы приехали к вечеру. Измотанные дорогой, дочери сразу же отправились спать, а Софья Алексеевна пришла в комнату сына. Открыла дверь и застыла – не смогла шагнуть дальше. Заколотилось сердце, окатило тоской. Плохо стало – хоть волком вой. Даже стоять там не смогла – пришлось уйти.

Как назло, на глаза попадались слуги. Те хоть и молчали, но видно же – жалеют. От этого становилось только хуже, и графиня заперлась в своей спальне. Ходила из угла в угол, старалась успокоиться, но не смогла. Где-то у горла стонала натянутая что есть мочи струна, а в глазах закипали слёзы. Промучившись с час, Софья Алексеевна поняла, что уже не сможет взять себя в руки, а тем более уснуть.

Может, поехать к тётке? Графиня Румянцева всегда помогала единственной племяннице, не откажет в поддержке и на сей раз. Не откладывая в долгий ящик, Софья Алексеевна велела запрягать.

Лошади споро бежали по набережной, потом экипаж свернул на Невский. В Москве ходило много слухов о том, как похорошел Петербург в правление генерал-губернатора Милорадовича, и теперь графиня смогла убедиться, что это – истинная правда. Вспомнив покойного Милорадовича, Софья Алексеевна перекрестилась. Как же его было жалко! И особенно ужасным казалось то, что этот храбрый и благородный воин погиб не в бою, а от выстрела в спину из рядов восставших. Отчаяние вновь кольнуло сердце. Неужели и сын к этому причастен?..

Нет, только не Боб! Невозможно, чтобы он сочувствовал убийству. Боб вообще ничего не знал, а все его друзья – офицеры-кавалергарды. Они не могли стрелять в спину боевому генералу...

Думы изводили, тоска разъедала душу, и Софья Алексеевна тихо застонала. Она порадовалась, что дочери её не слышат. Наконец эта мучительная поездка закончилась: карета остановилась у мрачного трёхэтажного дома, давно, чуть ли не полвека назад, выкрашенного в светло-зелёный цвет. Построенный углом, тёткин особняк одним фасадом выходил на набережную Мойки, а вторым – в переулок. Графине он всегда напоминал саму Марию Григорьевну – дом так же, как

и его хозяйка, остался в царствовании Екатерины Великой и принимать сегодняшние реалии явно отказывался.

Карета остановилась, лакей открыл перед графинею дверцу и помог ей сойти с подножки. Старый швейцар, подследовато щурясь, уставился в лицо Софьи Алексеевны.

– Ваше сиятельство! – восхитился он, наконец-то узнав гостью. – Вот уж барыня обрадуется!

Вокруг забегали, засуетились слуги. Кто-то помчался с докладом, и уже скоро по лестнице с завидной быстротой спустилась и сама хозяйка дома – невысокая, располневшая, всё ещё красивая пожилая дама с яркими голубыми глазами в сеточке тонких морщин.

– Сонюшка, вот ведь счастье! – воскликнула она.

– Какое же счастье, тётя? – шепнула ей на ухо удивлённая Софья Алексеевна. – Боба арестовали. Разве вы не знаете?

По растерянному лицу старушки стало понятно, что та действительно ничего не знала. Мария Григорьевна покачнулась, племянница ухватила её руку.

– Тише, тише! Пойдёмте в гостиную, там и поговорим.

Обняв тётку, Софья Алексеевна повела её в соседнюю комнату и там усадила на диван. Сама закрыла двери: не хотела лишних ушей.

– Значит, и наш мальчик попал в эти жернова... – Мария Григорьевна наконец-то обрела дар речи. – Но ведь, когда случилось это происшествие, он находился в Москве!

– Да, он был дома, но, как только узнал о выступлении,

тут же выехал в Петербург. Его арестовали в ночь приезда. По слухам, он сидит в Петропавловской крепости. Я должна добиться свидания и помочь сыну всем, чем смогу.

– Но за что арестовывать человека, который ничего не совершил?

Графиня вздохнула, она уже тысячу раз задавала себе тот же вопрос и так и не нашла ответа, но тётка с испугом глядела ей в глаза. Пришлось отвечать:

– Он был членом тайного общества, наверно, его арестовали за это.

– Опомнись, Софи, да ведь в Петербурге каждый второй – масон! Разве это не тайное общество? Это всё игра – взрослые мужчины всегда немного, но остаются детьми, вот они и играют в тайны. Разберутся – и отпустят Боба. Ну а как же иначе?..

– Ах, тётя, дай-то Бог, чтобы это так и было, – перекрестилась Софья Алексеевна, хотя и понимала, что «просто» уже ничего не получится. – Нам нужно подумать, кто сможет помочь мне в хлопотах об освобождении. Я хочу съездить к Александру Ивановичу Чернышёву, он нам – хоть и дальняя, но родня, и покойный Алекс в своё время многое сделал для его карьеры. Теперь его черед помогать нам...

На лице старушки проступил такой скепсис, что племянница насторожилась. Что-то не так? Спросить она не успела – старая графиня призналась сама:

– Ох, Софи, не люблю я этого молодца, слишком уж он

холодный какой-то, и глаза у него – чистые куски льда.

Софья Алексеевна лишь пожала плечами.

– Мне выбирать не приходится. После смерти мужа его друзья как-то отошли от нас. Может, я сама виновата – слишком ушла в горе, никого не хотела видеть, но теперь об этом жалеть поздно. Я не знаю, к кому мне ещё обратиться.

Румянцева призадумалась. Потом сказала:

– Теперь из страха, что их тоже примут за заговорщиков, все кинулись восхвалять нового царя. Славословят сверх меры. Только сдаётся мне, что сам он пока ничего не решает, и сейчас главным человеком в стране стала императрица-мать. Она всегда имела влияние на младших детей. Нам бы до неё добраться!

– Как? Я давно не бывала при дворе, да и в Москве выезжала лишь к хорошим знакомым. Меня все здесь забыли. – Голос Софьи Алексеевны звенел от слёз.

– Не отчаивайся раньше времени, – посоветовала ей тётка. – Завтра с утра я напишу Загряжской. Натали до сих пор ещё очень влиятельна. Надеюсь, не оставит нас в трудный час. Поможет.

– Дай-то Бог! Вот встретимся с ней, а потом я поеду к кузену. Он должен помнить, чем обязан моему мужу. Я не хочу верить, что он мог это забыть.

Тётка спросила, что можно сказать генералу Чернышёву, а о чём лучше промолчать, и Софья Алексеевна задумалась. Она даже прикрыла глаза – старалась сосредоточиться, а от-

крыв их, вздрогнула. Испугалась... Мужчина в этом доме? Ну не бред ли?..

В дверях, картинно уперев руку в бок, стоял какой-то незнакомец. Гренадерской стати темноглазый брюнет с приятным и открытым лицом. Наверное, ровесник Софьи Алексеевны, а может, и моложе: разодет-то в пух и прах. Фрак – наимоднейший, муаровый жилет переливается всеми оттенками рубина, а чёрный шёлковый галстук щегольски (по последней английской моде) тонок. Старая графиня сидела к вошедшему спиной, поэтому его не видала. Поняв это, мужчина предупредительно кашлянул.

– Что там? – вскинулась Мария Григорьевна, но, узнав вошедшего, заулыбалась и пригласила: – Проходи, дружок, познакомься с моей Софи.

Гость поспешил на зов. Отрекомендовался:

– Лев Давыдович Бунич – сосед нашей драгоценнейшей хозяйки. В Полесье наши имения граничат друг с другом. – Он поклонился Софье Алексеевне, с гусарским шиком прищёлкнул каблуками блестящих туфель, и заявил: – Сердечно рад, сударыня! Премного наслышан от Марии Григорьевны о вас и ваших детках. Я ведь уже с неделю, как пользуюсь её любезнейшим гостеприимством, и не было ни дня, чтобы она не вспоминала о вашем семействе. Так что вы понимаете, насколько я заинтригован и рад наконец-то познакомиться лично.

Софья Алексеевна мысленно спросила себя, что же тёт-

ка успела рассказать этому неожиданному постояльцу. Огласка им сейчас была бы некстати. Но, вспомнив, что Мария Григорьевна до сегодняшнего дня не знала об аресте Боба, графиня вздохнула свободней. Ничего страшного! Подумаешь, тётка в кои-то веки кого-то приютила. Наверняка ненадолго.

Завязался общий разговор. Бунич оказался обаятельным и любезным, душа, а не собеседник! Не вдаваясь в подробности, он коротко объяснил, что в столице у него разбирается тяжба о наследстве, а потом принялся развлекать дам: в лицах изображал героев прослушанной им сегодня итальянской оперы.

Это оказалось так забавно, что повеселела даже Софья Алексеевна. Бунич поймал благодарный взгляд хозяйки дома и расцвел, словно мак под солнцем. Жесты его стали ещё артистичней, а шутки ещё остроумней. Скоро уже обе дамы откровенно смеялись. Правда, графиня Чернышёва быстро засобиралась домой, а оставшаяся наедине с гостем хозяйка сразу забыла о развлечениях, но настроения Буничу это не испортило – он свою долю признания уже получил и не обижался.

– Скажи-ка мне, дружок, что за обстановка сейчас в нашем уезде? – спросила его Мария Григорьевна.

Ну и ну, что это за вопрос?! Бунич с изумлением воззрился на старую графиню и поинтересовался:

– В каком смысле?

– Я про безопасность. Можно туда, например, женщине

переехать на жительство?

– Отчего же нельзя? – удивился Бунич. – Наш капитан-исправник Щеглов давно всю голытьбу в бараний рог скрутил. Порядок навёл, просто тишь да гладь: ни разбоя, ни воровства, даже пить и то меньше стали. Мы все просто не нарадуемся. А вы никак в Солиту засобирались? Вот и славно...

– Может, и поеду, а коли не сама, так племянницу с внучками пришлю. Ты же знаешь, что я назначила Софи единственной наследницей. Рано или поздно Солита всё равно ей достанется.

Бунич молниеносно скрестил пальцы и суеверно поплевал через левое плечо. Взгляд его стал укоризненным.

– Да что уж вы, голубушка, от страшном-то думаете? Нельзя так! Сглазите. Вам о жизни нужно думать и говорить. Какие ваши годы?

– И то правда, – признала старая графиня и вдруг заулыбалась: – Спасибо, дружок, за совет: Нечего смерть приваживать – о наследстве рассуждать. Добро при жизни нужно делать...

Больше она ничего не сказала, а гость допытываться не стал. Постеснялся. Вскоре Мария Григорьевна отправилась спать, а Бунич ещё долго сидел у комелька. В компании он не нуждался – её заменял круглый запотевший графин. Анисова у графини Румянцевой славилась своей изумительной мягкостью на весь Петербург.

Тёткин дом ещё не исчез за поворотом, а Софья Алексеевна тихо, словно бедная уставшая мышка, забилась в угол экипажа. Прикрыла глаза. Как же хорошо, что она догадалась сюда приехать! По крайней мере, ей стало легче. К тому же тётка со своей идеей обратиться за помощью к Загряжской посулила ей надежду, и измученной отчаянием и неизвестностью Софье Алексеевне вдруг почудилось, что всё обойдется и она сможет отвести беду от своего ребёнка. Если бы можно было обменять жизнь сына на свою!..

– Господи, если так нужно, заberi всё, но только спаси Боба, – попросила она. Тихо прочитала «Отче наш» и «Богородицу». Посидела молча, прикрыв глаза. Но прячься – не прячься, надо брать себя в руки и действовать.

Хорошо, хоть на завтра всё уже решено: надо встретиться с Загряжской. Софья Алексеевна так надеялась, что старая фрейлина поможет и устроит аудиенцию у вдовствующей императрицы. Государыня – мать, она обязательно поймёт и простит... И тогда всё наладится, а Боб наконец-то вернется домой... Очень уж не хотелось графине ехать к пресловутому «кузену Алексу», а иначе говоря, к генерал-лейтенанту Чернышёву.

Глава четвёртая. Генерал-лейтенант Чернышёв

Чернышёв ещё даже не открыл глаз, как в мозгу уже проснулась тревога. Это чувство не подводило его никогда. Раз тревога, значит, и впрямь всё плохо. Но почему? Что же всё-таки случилось?.. И тут он вдруг вспомнил: двадцать тысяч! Чёрт бы побрал эти карты! Вчера опять бес попутал: проиграл приятелю, а с недавних пор и родственнику Чичерину. И ведь не какую-нибудь ерунду – малость незаметную. Двадцать тысяч, и притом в золоте!

Денег было до отвращения жалко. Нельзя сказать, чтобы это стало для него вопросом жизни и смерти. Отнюдь! Генерал-лейтенант вовсе не бедствовал. Находясь в фаворе у покойного императора Александра, он давно купался в монарших милостях. Ордена, золотое оружие и портреты августейшей четы имелись у Чернышёва в завидном избытке. Но государь и о деньгах позаботился: жаловал своего верного слугу и прозаическими, но зато очень полезными наградами. Теперь Александр Иванович так разбогател, что мог не моргнув глазом проиграть и сто тысяч. К тому же приданое его последней супруги оказалось поистине колоссальным. Хоть и с третьей попытки, но он не прогадал!..

Мысль о жене окончательно добила и прежде неважное

настроение. Может, Чернышёв и придирался, может, хотел невозможного, но со столичным обществом во мнениях не сходилась. В свете все единодушно признали его Елизавету Николаевну дамой умной и великолепно образованной. А уж о её моральных принципах и говорить не приходилось – были они выше всяческих похвал. Но прав он или нет, Александр Иванович имел собственные взгляды на семейную жизнь. Сейчас, когда супруга носила их первого ребёнка, она могла бы притихнуть, стать простой и домашней – хранительницей теплого очага. Но, видать, не судьба! Жена рвалась к славе – в столпы великосветского общества.

«Куракинская спесь... Гедиминовичи чёртовы! Возвышенные натуры, все – в искусстве», – привычно костерил генерал женину родню. Супруга, так же как и ее мать – тёща Чернышёва, сочиняла музыку, и обе дамы считали себя настоящими композиторами. Но Александр Иванович тещу переносил с трудом. А уж её почтенного батюшку – князя Куракина – и вовсе ненавидел: старикашка, несмотря на свой преклонный возраст, оказался настолько властным, что беспрестанно, а главное, беспардонно вмешивался в жизнь своих дочерей и внуков.

Мысль о тёще вывернулась лихой идеей. Надо бы устроить Куракиным каверзу: заплатить карточный долг из приданого, а потом донести эту новость до ушей тёщи и её папаши. Чернышёв даже повеселел: вот уж будет смеху, когда драгоценный дедушка узнает, что его денежки попали в карман

ненавистного зятя.

Младшая сестра его тёщи, будучи замужем, влюбилась в красавца Чичерина и сбежала с ним из дома. Не получив развода, она обвенчалась с любовником, чем наделала тогда много шума. Бедняжку больше нигде не принимали, а собственный отец запретил упоминать о ней в своём присутствии. Но Чичерину это не помешало сделать блестящую карьеру, и Александр Иванович считал его «нужным» знакомством, поэтому старался держать в друзьях.

Однако шутки шутками, а двадцать тысяч – сумма немалая. Так можно пробросаться и всем имуществом. Генерал-лейтенант задумался. Всё его состояние было нажито милостями покойного Александра I. Он оставался с императором до самой его кончины, правда, не стал тогда дожидаться отправки тела в столицу. Его миссия была важнее: нужно было так арестовать руководителя заговорщиков полковника Пестеля, чтобы его соучастники не смогли поднять бунт.

Вот где Александр Иванович проявил себя настоящим «разведчиком». Может, кто-то в свете и воротил нос, но Чернышёв считал, что он имеет полное право так называться ещё со времен своей парижской молодости. Тогда он ловко добывал важнейшие секреты императора Наполеона в постели его сестрицы – Полины Бонапарт.

Вспомнив о поездке во вторую армию, Александр Иванович с гордостью расправил плечи. Тогда, в Тульчине, он был просто неподражаем. Исхитрился выманить осторожно-

го Пестеля в штаб и там арестовал его, а в столицу уже по-вёз в кандалах. Он рассчитал правильно: вид главаря заговорщиков, волочившего за собой цепи, утешил нового императора. Генерал-лейтенанта Чернышёва тут же включили в комиссию по расследованию дел бунтовщиков, и он на удивление быстро сделался одним из самых близких к Николаю Павловичу людей.

– Я надеюсь на вашу преданность престолу. Наша семья высоко ценит ту верность, с какой вы служили моему покойному брату, – уже не раз повторял молодой государь.

По всему выходило, что новое царствование могло бы стать для Александра Ивановича ещё более удачным, чем было предыдущее. Император ждал его докладов. Пусть речь пока шла только о комиссии. Это ли не шанс? И Чернышёв не терялся: рассказывал подробно, не брезговал сгущать краски. А почему бы и нет? Чем опаснее будут казаться заговорщики, тем сильнее будет нужда в таких верных слугах, как он сам. Раз за разом подпитывал Александр Иванович убеждённость молодого императора в былой правоте. Внушал, что, подавив бунт на Сенатской площади, тот спас жизни своих жены и детей.

– Ваше императорское величество, страшно подумать, что могло бы случиться, если бы бунтовщики напали на Зимний дворец, как собирались первоначально. Императрица с цесаревичем и великими княжнами на руках оставалась совсем беззащитной, пока вы и ваш августейший брат старались об-

разумить восставших, – с дрожью в голосе говорил Чернышёв.

В больших, навывкате, светло-серых глазах Николая проступал ужас, ведь государь обожал свою красавицу жену. Склонив печальное лицо, Александр Иванович в душе забавлялся. Новый царь и близко не походил на своего старшего брата. Покойный император был знатоком интриг, да к тому же обладал редкостной интуицией. Вот кого сложно было подцепить на крючок. Николай же вполне мог сделаться марионеткой в опытных руках. Вопрос был лишь в том, кто станет его кукловодом, и здесь Чернышёв никому уступать не собирался. Ни за что и никогда! Он лучше умрёт, чем уступит это место. Только так он сможет осуществить свою заветную мечту!

Никто вокруг даже и не догадывался, что у всесильного Александра Ивановича Чернышёва имеется в душе слабое место. А ведь оно было и очень осложняло генерал-лейтенанту его богатую и успешную жизнь. Могущественный царедворец, он стыдился своего нетитулованного статуса. Просто Чернышёв – обычный помещик, представитель беднейшей ветви этого старинного рода. Зато в двух старших ветвях всё многочисленное потомство считалось графами.

«Никчемные людишки, моты и пьяницы – графы, а герой войны и опора трона – никто», – сетовал Чернышёв наедине с собой. Покойный государь не дал ему титула, и, хотя Александр Иванович трижды женился на очень знатных осо-

бах, это ничего не давало: у всех его невест имелись братья – наследники отцов, а муж получал лишь приданое. Понятно, что деньги – это хорошо, но душа жаждала титула, и теперь вдруг, нежданно-негаданно, замаячила такая возможность. Среди заговорщиков оказались графы Захар и Владимир Чернышёвы.

Титул Захара был почётнее, ведь тот происходил из старшей ветви рода. Имелся и второй плюс: все имения этого преступника были собраны в передающийся по мужской линии майорат, и граф Захар был единственным наследником старика-отца. Если сына осудят, отец долго не проживёт, и майорат отойдёт в казну, а там уже всё в руках государя. Почему-то Александр Иванович не сомневался, что император будет милостив к такому преданному слуге, как он.

Впрочем, ждать всё-таки не хотелось, и с этой точки зрения титул и состояние графа Владимира становились особенно заманчивыми. Александр Иванович помнил Боба ещё мальчиком, да и о содержании завещания его отца был осведомлён во всех подробностях. Боб давно унаследовал всю собственность этого богатого семейства, а трём его младшим сестрам досталось приданое в золоте. Как только Боба осудят, титул и земли отойдут казне. Все юные графини Чернышёвы не замужем и не смогут просить государя о передаче титула по женской линии.

Александр Иванович мешкать не стал и уже отправил на высочайшее имя смиреннейшее прошение. Умолял пожа-

ловать ему право наследования майората государственного преступника Захара Чернышёва. Как ни смешно, но через брак дяди он действительно мог на это претендовать, вот только кроме него среди ближней и дальней родни оказалось немало таких же желающих, но тут уж – дудки, пусть кто-нибудь только попробует пролезть впереди генерал-лейтенанта Чернышёва. Этот наглец сразу же пожалеет, что на свет родился! Что же до семейства бедолаги Боба, то Александр Иванович уже наложил арест на всё их имущество. Сегодня приехавшей в столицу матери бунтовщика должны были вручить предписание об освобождении принадлежащих её сыну домов и имений.

«Нужно растоптать дамочку, сломить её волю, чтобы она с готовностью согласилась на опеку», – рассуждал Чернышёв. Ему даже стало интересно, удастся ли запугать «кузину Софи»? Та лет десять прожила в деревне, ну, в крайнем случае, в Москве. В Петербурге у неё не осталось никаких связей. К тому же Софья Алексеевна всегда походила на обычную деревенскую простушку, а значит, должна была искренне считать генерал-лейтенанта Чернышёва старым должником своей семьи. Так что у неё одна дорога – напрямик в этот дом.

Александр Иванович вновь поразмыслил об этом дельце, перебрал в уме все свои аргументы и понял, что ему не нравится. Всё выглядело слишком простым. Чёрное и белое – раз и два. Слишком уж всё незамысловато, а раз так, значит, жди подвоха. Например, «кузина» упрётся. Чем это ему гро-

зит?.. Да ничем! При самом плохом раскладе каждый просто останется при своих, зато, если дело сладится, его долгожданный сын может родиться графом.

– Вместе с нисходящим потомством... – прошептал Чернышёв, представив на мгновение текст вожаденного указа, и тут же прикусил язык.

Мечты!.. Опять мечты. Как бы теперь не сглазить...

Александр Иванович сердито фыркнул, провел щёткой по волосам, посмотрел, как сидит мундир, и отправился завтракать. Было ещё очень рано. Даст Бог, жена спит, и он сможет уехать из дома, не повстречавшись с ней. Но громкие звуки фортепьяно не оставили ему надежд. Елизавета Николаевна встала и сейчас репетировала свой очередной шедевр.

– Не повезло, – пробормотал Чернышёв.

Собственно, оставалась ещё одна возможность: можно было незаметно прошмыгнуть в столовую. Александр Иванович так и сделал. Однако хитрость не удалась: не успел он выпить чашку кофе, как в дверях возникла фигура супруги (ту, похоже, кто-то предупредил). Чернышёв в раздражении хмыкнул.

Елизавету Николаевну трудно было назвать красивой: лицо её, хотя и приятное, часто казалось простоватым. В нём не хватало изюминки, в глазах – блеска, а плотно сжатые губы как будто намекали на недовольство супругом. Впрочем, о чём речь? Какие ещё нужны изюминки при таком приданом?

Сделав над собой усилие, Чернышёв вступил в разговор:

– Что это ты, Лиза, так рано встала? Тебе же доктор советует больше спать.

В ответ супруга рассказала, что за здоровьем следит, ни есть, ни спать не хочет, но сейчас желала бы выпить с ним чаю. При виде крепчайшего кофе, который Чернышёв по старой парижской привычке пил без молока и сахара, она скривилась и, менторски качнув головой (Боже милосердный! Что это вы только с собой делаете?!), заявила:

– Алекс, вам нужно отказаться от вредных пристрастий. Табак и кофе подорвут ваше здоровье.

Чернышёв поморщился.

– Я потом как-нибудь откажусь. Сейчас у меня слишком много дел, кофе и трубка мне необходимы. Вот выйду в отставку, уедем в Лыткарино, там и будешь приучать меня к праведной жизни.

Губы жены сложились в куриную гузку, и Александр Иванович понял, что попал в точку. Отъезд в деревню, да и его отставка в планы супруги не входили. Это обнадеживало. Пряча усмешку, он скроил на лице скорбную мину.

– Лиза, ты всё равно узнаешь, да и матушка тебе непременно доложит. Лучше признаюсь сам. Я проиграл вчера Петру Александровичу Чичерину. Проиграл много – двадцать тысяч. И уже отправил ему эти деньги.

Елизавета Николаевна изменилась в лице. Она сразу поняла, что к чему в этом игривом разговоре. Муж, все свои деньги предпочитавший отдавать в рост, заплатил карточ-

ный долг из её приданого. Это означало, что мать и дед, не связываясь с самим Чернышёвым, сотрут в порошок её.

– Вы заплатили моими деньгами? – тихо уточнила она.

– У меня сейчас других нет – все вложены.

Слёзки блеснули в карих глазах Елизаветы Николаевны, а кончик носа-уточки явно покраснел, и Чернышёв засове-
стился. Экий он дуболом! Не стоило так с беременной... От-
влекая жену от печальных мыслей, он весело сообщил:

– У меня есть и приятная новость: я подал ходатайство
о передаче мне права наследования майората вместо госу-
дарственного преступника Захара Чернышёва. Так что ско-
ро ты, Лиза, станешь графиней.

Но вместо радости супруга ужаснулась:

– Да как же так? Граф Захар жив. Или вы станете доби-
ваться его казни?

Александр Иванович поморщился. Эта дурочка по про-
стоте душевной ляпнула то, что шептали о нём в столичных
гостиных. Чернышёв не мигая уставился в глаза жены и от-
чеканил:

– Лиза, не говори ерунды. Мне не нужно добиваться каз-
ни графа Захара. Он – государственный преступник, а зна-
чит, должен быть лишен всех чинов, титулов, званий и иму-
щества. Майорат закреплён на имениях ещё его дедом. Как
только сына осудят, его отец долго не проживёт, и земли вме-
сте с титулом отойдут казне. Всё совершенно законно.

– Да? Я не знала... – протянула жена, но по её тону Алек-

сандр Иванович понял, что она ни в чём не уверена.

– Значит, спроси у того, кто знает – у своего мужа, – раздражённо буркнул он и, скомкав салфетку, поднялся.

Карета уже ждала его, и по дороге во дворец Чернышёв успокоился. По большому счёту, всё развивалось прекрасно. Александр Иванович чувствовал, как напуганный пролитой кровью молодой император всё сильнее увязает в путах его умелого влияния. Царь не принимал без него никаких решений и не подписывал никаких бумаг.

Открывалась перспектива не просто блестящей, а даже фантастической карьеры. Аракчеева уже отослали. Олимп был свободен. При особом уме и известной ловкости можно было его занять. Сделаться наконец-то первым из первых.

Глава пятая. Тайные соперники

Первое лицо!.. С чем можно сравнить этот эфемерный налёт «особенного» почтения окружающих? С тенью? Или с эхом? Вроде бы и нет никаких оснований, но народец-то уже слухами напился, заметку себе сделал: «ожидается назначение». Вот уже и головы склоняются ниже, и взгляды подобострастны. В бесконечных анфиладах Зимнего дворца сегодня эта тень или эхо присутствовали особенно явно. У Чернышёва потеплело на сердце: скоро, по всему виду, скоро... Он вошёл в приемную и кивнул дежурному флигель-адъютанту. Тот мгновенно вскочил, вытянулся по стойке «смирно» и сообщил:

– Пожалуйте, ваше высокопревосходительство, его императорское величество ждёт вас.

Отлично, он приехал на полчаса раньше, а его уже ждут! Чернышёв прошёл в кабинет и прямо у двери почтительно склонил голову. Завидев его, государь поднялся из-за стола.

– Здравствуйте, Александр Иванович, – четко, по-военному выговаривая слова, сказал он. – Проходите, докладывайте.

Государь вернулся на своё место и указал визитёру на парное кресло с противоположной стороны широкой, крытой зеленым сукном столешницы. Генерал-лейтенант про себя усмехнулся: Николай Павлович сидел так, чтобы, подняв

глаза от бумаг, упираться взглядом в портрет жены. Все слабости нового государя лежали на поверхности, но упаси бог было подать вид, что замечаешь их.

— Вы привезли показания Трубецкого? — нетерпеливо поинтересовался царь.

— Да, ваше императорское величество. Вот, пожалуйста, собственноручно изложено Трубецким, — сообщил Чернышёв, выкладывая на стол несколько исписанных листов. — Вопросы перед арестантом были поставлены так, как вы изволили приказать.

Николай Павлович взял верхний лист и углубился в чтение. Чернышёв ждал, а пока его мысли опять вернулись к главной проблеме: Александру Ивановичу очень не нравилось, что в его комиссии стал усиливаться генерал Бенкендорф. Они были почти ровесниками, с одинаковыми заслугами за прошедшие войны. Бенкендорф считался умным человеком и так же не стеснялся в выборе средств, как и сам Чернышёв. Но у соперника вдобавок ко всему прочему имелись очень весомые связи: его сестрица Дарья Христофоровна Ливен — жена русского посланника в Лондоне — славилась огромным влиянием в Министерстве иностранных дел. Бенкендорф становился опасным. Вот и нужных показаний от арестованного Трубецкого добился именно этот хитроумный немец. Чернышёву пришлось вступить с наглцом в конфликт, чтобы самому передать эти бумаги государю. Бенкендорф рвался представить их лично.

Теперь, когда нет Аракчеева и появился шанс сделаться первым министром, начинает лезть вперёд всякая шушера. Не успеешь оглянуться, как тебя уже обстаивают! «Неужели Бенкендорф целит на то же место? Это просто неслыханная наглость», – размышлял Чернышёв.

За своими мыслями он чуть было не пропустил момент, когда император закончил читать. Николай Павлович поднял голову, и по его растерянному лицу стало понятно, как он оскорблён.

– И чем же я так плох? – сердито осведомился царь. – Ну, эти бедные отставные корнеты и прапорщики мне понятны. Никто даже не подозревает об их существовании – а тут вдруг они до небес взлетают: судьбой России играют, лавры Наполеона примеряют. Но Трубецкой – он же Рюрикович!.. Блестящая карьера, богатство, престижное родство – всё брошено в грязь. Ради чего такой человек соглашается быть диктатором в богомерзком деле? Я ещё ничего не успел, а он меня уже приговорил к смерти как неподходящего правителя!

– Всё от распушенности, – вкрадчиво подсказал Чернышёв, – вседозволенность в армии за последние годы сделалась чудовищной. Офицеры мнят себя вольными стрелками. Повсеместно на караул во фраках являются. Силы не чувствуют, укорота нет.

Император согласился с ним сразу:

– В армии пора наводить порядок, как, впрочем, и во всех

остальных сферах нашей жизни. Беритесь за армию. Через месяц я хочу получить подробный доклад о положении дел во флоте, в строевых частях и военных поселениях. Я хочу, чтобы вы устроили тщательную проверку всей работы этого ведомства.

– Рад стараться, ваше императорское величество! – отчеканил Чернышёв. В душе он ликовал. Всё-таки военное министерство отойдет ему! Теперь, накопив побольше грязи, он раскритикует своего предшественника и предложит действенные меры. Ну а это уже полдела. Хорошо говорить и писать отменные доклады он научился ещё в Париже, не зря даже император Наполеон считал любовника своей сестры очень способным человеком.

Вот дело и сдвинулось с мертвой точки, мысленно поздравил себя Чернышёв. Судьба наконец-то снизошла: одно из его заветных желаний исполнилось. Теперь второе! Титул. Сейчас, когда удача сама шла в руки, оставалось только не оплошать, крутиться порасторопнее...

Впрочем, не всё было так однозначно. Полз упорный слухок, что императрица-мать со своим немецким скопидомством всячески противится раздачам из казны. Честно сказать, причины у Марии Фёдоровны на это были. Забрав из покоренной Франции большую часть сокровищ Наполеона, покойный император Александр перестал ценить российские богатства и щедрой рукой раздавал из казны имения, крестьян и деньги. Мария Фёдоровна рвалась прекратить

этот золотой дождь, но на старшего сына влияния не имела. Зато теперь она собиралась отыгаться за всё и сразу. Вдруг не отдаст майорат графа Захара? Что тогда?.. Остаётся титул и собственность Боба...

Что ж, майорат из казны никуда не денется. Значит, сейчас нужно добиваться опеки над девчонками. Кому ещё жаловать титул, если не благородному опекуну юных девиц?.. Всю дорогу до Петропавловской крепости Чернышёв размышлял, прикидывал и взвешивал, пока наконец не успокоился: пока все было в порядке – он ничего не упустил.

Вернувшись домой из Петропавловской крепости, генерал Бенкендорф обнаружил на столе письмо от своей младшей сестры. Жена предупредила Александра Христофоровича, что конверт принес матрос с прибывшего из Лондона корабля. Тот отдал письмо лично ей в руки, предварительно удостоверившись, что она – хозяйка дома и супруга адресата. Генерала это совсем не удивило, значит, его премудрая сестрица не захотела рисковать и отказалась от услуг дипломатической почты. Как видно, в письме имелось нечто, не предназначенное для чужих глаз.

Бенкендорф вскрыл конверт и углубился в чтение. Долли, не церемонясь, с первых же строк писала о деле, но в письме не оказалось никаких секретов, а нотаций было – хоть отбавляй. Младшая сестра поучала его, как следует жить!

– Ну и ну! Кем же она себя возомнила, чёрт возьми?! – в

крайнем раздражении воскликнул Александр Христофорович и отбросил письмо. – Да где ж это видано, чтобы баба генерала учила?!

Впрочем, Долли не баба... Её всегда считали в семье самой умной. Эта женщина могла обвести вокруг пальца любого, а уж родных и подавно, но и не было случая, чтобы она не помогла ему делом или советом. Раз Долли соизволила написать это конфиденциальное письмо, значит, считала вопрос достаточно важным.

Бенкендорф опять взял листы. Перечитать, что ли?... Летающий почерк Долли уместил все нравоучения в три абзаца:

«Дорогой брат! До меня доходят очень тревожные слухи о твоих делах и твоём поведении. Прошу тебя, не повторяй прежних ошибок. Если ты не смог извлечь уроков из бывших провалов, разреши это сделать мне.

Прежний государь тебя откровенно не любил, мы понимаем это оба, но я, в отличие от тебя, знаю и причину его неприязни. Мой дорогой, ты – отчаянный храбрец, но утонченность ума и привычка к интригам тебе не свойственны. Не нужно опять лезть с предложениями, не нужно картинных прыжков с балкона, не нужно выпячиваться и суетиться! Это не твоя стихия, ты проиграешь каждому более-менее искусному интригану.

Твой конек – порядок, основательность, дисциплина. Держись солиднее и скромнее. Новый император во многом похож на тебя, и теперь наконец-то появился шанс сделать

достойную карьеру. Никаких инициатив, лишь рвение в исполнении поручений, и, самое главное, научись внимательно смотреть по сторонам».

В очередной раз признав, что его сестрица – дьявол в юбке, Бенкендорф попытался разгадать, что же такое услышала Долли в своём Лондоне, раз написала ему это письмо. Он не лез ни с какими прожеками – тут уж госпожа посланница перегнула палку, он тоже умеет делать выводы из былых промахов. Он просто служит там, куда его определил император. И эта комиссия по делам бунтовщиков теперь стала наиважнейшим делом в стране. По крайней мере, Николай Павлович заслушивает доклады Чернышёва ежедневно.

Чернышёв... Вот она – причина всех бед! Этот напыщенный болван до сих пор имеет влияние в Министерстве иностранных дел, говорят, к Нессельроде запросто ходит. Этот подлец что-нибудь наплёл у дипломатов, а те наболтали Долли и её муженьку.

Сестра даже не подписала письмо и нигде в тексте не упомянула никаких имен. Осмотрительная Долли надеялась, что он сам всё поймет, и Бенкендорф бросил письмо в огненное нутро голландской печки. Постоял. Поглядел, как горят, превращаясь в ничто Доллины советы. Почему-то вдруг вспомнилось темноглазое, пока ещё смазливое лицо Чернышёва. Экая, однако, скотина! Если его рассказы дошли до Лондона, что же Чернышёв мелет во дворце? Небось чернит с сочувствующим видом. Как бы это, интересно, узнать?..

Расклад казался неутешительным: лично Бенкендорфа государь уже давно не принимал. Он только намекнул при последней встрече, что скоро понадобятся преданные и знающие люди, а в Министерстве внутренних дел нужно наводить порядок. Но никаких конкретных обещаний не последовало, а новую казенную квартиру Александру Христофоровичу пожаловали за работу в комиссии. Квартира оказалась как нельзя кстати. Бенкендорфы никогда не считались богатыми, а последняя романтическая эскапада Александра Христофоровича – женитьба на очень красивой, но бедной вдове подорвала финансовое благополучие семьи на долгие годы. Теперь на шее Бенкендорфа висели три дочери, две падчерицы и жена. Эта очаровательная компания стоила бешеных денег, и никак нельзя было упустить открывавшиеся возможности. Чернышёв стал поперек дороги? Что ж... Значит, пора уже нащупать подходы к сопернику, а ещё лучше – завести шпиона в его окружении.

Что бы сделала в этом случае Долли? Она подружилась бы с женой своего врага и получала бы нужные сведения из первых рук. Но Александр Христофорович не женщина, к тому же Чернышёв его к себе не подпустит. Нет! Следует придумать что-нибудь поумнее.

Бенкендорф задумался. В голову не приходило ничего путного. Почти час провёл он в раздумьях, прежде чем блестящая по своей простоте идея пришла в его голову. Он сыграт на ревности! Чернышёв внимательно следит за каждым

его шагом. Значит, придётся завести приметного человечка и сделать вид, что тот необычайно полезен в делах. Тогда соперник позавидует и сманит деятельного подчиненного к себе. Надо только успеть сделать из перебежчика агента.

Идея выглядела настолько изящной, что явно улучшила, казалось, уже безнадежно испорченное настроение. Конечно, пока нужная кандидатура не просматривалась, но въедливый и деловитый остзейский немец не сомневался, что такой человек обязательно найдётся. Впрочем, отступить Александру Христофоровичу всё равно было некуда, оставалось одно – победить. Как там когда-то говорила няня? Глаза боятся, а руки делают?

Глава шестая. Троянский конь

С глаз долой – из сердца вон?! А ведь когда-то считали всеобщим любимцем!.. Как это ни обидно, но столица Российской империи встретила своего бывшего кумира на удивление холодно и сухо. Пока ещё числившийся министром иностранных дел граф Иоанн Каподистрия был не просто разочарован, сказать по правде, это открытие его изрядно уязвило. Иоанн Антонович вдруг осознал, что здесь он больше никому не нужен. Можно было и не суетиться, не тащиться из Швейцарии в Петербург, а так и сидеть в Женеве, как делал это последние три года. Со дня его приезда прошла всего неделя, но граф уже засобирався обратно. Как всё разительно изменилось после его негласной отставки в двадцать втором году! Не стало Александра I, и сразу же исчезла умная и виртуозная политика. Теперь страной правили жестко, примитивно и тупо. К чести нового царствования было только одно – проклятый временщик оказался не у дел.

«Даже не верится, что всё закончилось, – часто размышлял Иоанн Антонович. – Ну почему же князья Ипсиланти не захотели подождать каких-то четыре года? Сейчас уже нет Аракчеева, теперь всё получилось бы по-другому».

Это, конечно, было догадкой, но ведь жизнь опытного политика научила Каподистрию мудрости и терпению, что, впрочем, на самом деле – одно и то же. Но братья Ипсиланти

были другими, они умели только воевать. Храбрые и благородные греческие князья наивно верили, что если с оружием в руках выступят против турок, то русский царь повернёт всю свою огромную армию на помощь маленькой горстке православных храбрецов. Но этого не случилось. Александр I – победитель Наполеона – не мог спуститься со своего Олимпа и унизиться до рядовой войны с турками. Поднятое греками восстание стоило Каподистрии должности: император, давно подозревавший своего министра-грека в вольнодумстве, охладел к нему окончательно, и, хотя в отставку не отправил, но от дел удалил, предложив отправиться на лечение.

Остаётся утешаться тем, что жалованье платили исправно, и оно всегда шло на помощь греческим героям, часто размышлял дипломат. Стрелявшие в турок ружья были закуплены на русские деньги. Жаль только, что в жизни всё повторяется с завидным постоянством, а наивные князья Ипсиланти слишком походили на офицеров с Сенатской площади. Русские герои так же верили, что страна примет их благородные идеалы, так же надеялись, что власть падёт перед ними ниц, и конец у них один, только русские идеалисты сидят в Петропавловской крепости, а Ипсиланти – в Терезине у австрияков.

Думать о потерях и поражениях не стоило. Какой смысл рвать душу из-за того, что невозможно изменить? Граф Иоанн посмотрел на часы – пора уже собирать на стол. Ско-

ро он встретится с гостем. Вот уж чего ему совершенно не хотелось. Не ужин, а прямо-таки беда!

Каподистрия позвал своего камердинера-француза и спросил, принесли ли из ресторана заказанные блюда.

– Да, ваше высокопревосходительство, – доложил тот, – прикажете накрывать?

– Пожалуй... Оставьте бутылки на буфете, а когда гость прибудет, можете идти отдыхать.

Отвыкший от российских морозов Каподистрия пододвинул кресло поближе к камину и протянул руки к огню. Настроения у графа не было, а нынешний ужин представлялся ему пыткой. Сегодня он ждал человека, которого совершенно не желал видеть, однако почитал за честь принять и, если надо, то и помочь. Неприятный осадок от их последней встречи так и не рассосался, и лучше бы им было вовсе не встречаться, но Каподистрию припёрли к стенке. Это был вопрос чести.

«Мы все в долгу перед этим человеком», – в очередной раз постарался убедить себя Иоанн Антонович. Почему-то эта мысль не принесла ему ни благородного воодушевления, ни тёплого чувства благодарности. Воспоминания об Иване Печерском – Вано, как тот называл себя сам, – несли лишь горечь разочарования.

Но почему? В чем секрет? Что вызывает это тяжкое, болезненное чувство?

Каподистрия легонько прикрыл глаза – захотелось поду-

мать, но вместо этого пришли воспоминания. Всё началось на охоте. Ваню ему очень помог. Ну а раз так – долг платежом красен, и министр взял молодого провинциала под своё крыло. Учил, опекал, возомнил себя старшим братом, почти отцом. Вот только ученик оказался паршивым: глупым, заносчивым и категоричным, а главное, совершенно необучаемым. Наплевав на советы и запреты, на приёме в Министерстве иностранных дел Ваню распустил язык и умудрился оскорбить всех своих собеседников. Все двери в столице перед ним закрылись.

«Так вот в чём дело! – осенило вдруг дипломата. – Страшно, что гость снова попросит покровительства. Но теперь всё стало просто – граф Каподистрия отошёл от дел. Пусть поищет других... Хотя, с другой стороны, можно же предложить визитёру денег или попробовать найти для него место...»

Большие каминные часы с пляшущими бронзовыми нимфами пробили девять, и Каподистрия пошёл в столовую. Вот-вот должен был появиться гость, и граф Иоанн хотел сразу же пригласить его за стол, чтобы скорее покончить с неприятным визитом.

В дверь уютной казённой квартиры постучали, и по коридору простучали каблуки: француз-камердинер отправился открывать. Иоанн Антонович услышал невнятный диалог двух голосов, потом приближающиеся шаги, затем дверь распахнулась, и камердинер провозгласил:

– Ваше высокопревосходительство, прибыл граф Печерский.

Француз отступил в сторону, давая гостю дорогу, но тот не спешил. Замер в дверях – внимательно разглядывал хозяйина дома. Этот человек показался Каподистрии незнакомым. Высокий, с жирноватой фигурой и тяжелым замкнутым лицом. В нём не осталось и следа от прежнего изящного юноши – тот был черноглазым красавцем, а нынешний Ваню даже пугал своей грубой простонародной внешностью.

«Господи, да что же это с ним стало? Он выглядит как трактирщик», – поразился Каподистрия. Привычка дипломата всегда сохранять невозмутимость выручила и на сей раз – грек улыбнулся и двинулся навстречу гостю.

– Рад вас видеть, Иван Петрович, – гостеприимно провозгласил он. – Мы не встречались лет десять?

– Почти десять, ваше высокопревосходительство, – кивнул гость, пожимая его руку. – Но вы совсем не изменились.

В голосе визитера проскользнули льстивые нотки, и Иоанн Антонович удивился – раньше Ваню был чужд всякого подхалимажа, наоборот, он мнил себя пупом Земли и не считал нужным заискивать перед сильными мира сего... Да, по всему видать, жизнь крепко потрепала старого знакомого!

Они прошли к столу. Камердинер ловко разложил по тарелкам подогретые ресторанные блюда, разлил шампанское и исчез. Каподистрия поднял свой бокал и предложил:

– Выпьем за нашу встречу, я только через три года после

вашего отъезда узнал, что Александр Ипсиланти отправил вас с секретной миссией в Константинополь.

Губы гостя непроизвольно поджались, и Каподистрии на мгновение показалось, что он видит оскал цепной собаки, но Печерский тут же заулыбался. Хохотнул:

– Наш общий друг не слишком хорошо умел просчитывать свои шаги, поэтому и сидит сейчас в австрийской тюрьме, хотя мог бы уже получить корону Греции.

Опять начинался самый неприятный для Каподистрии разговор, и граф тут же сменил тему:

– Расскажите, как сложилась ваша судьба... Вы были с Ипсиланти в Дунайских княжествах?

– Да, был. После боя у Драгошан, когда мы всё потеряли, а наши вожди кинулись бежать к австрийской границе, я вернулся обратно. Мне пришлось скрываться. Вы же знаете, как отнеслась православная Россия к нашему с вами общему делу.

Упрёки гостя раздражали, и Каподистрия перебил его:

– Вы собираетесь остаться в Петербурге?

– Хотел бы, да как? Не думаю, что без денег и связей меня примут в обществе, а моё участие в греческом походе вряд ли станет хорошей рекомендацией для принятия на службу.

– Наверно, не стоит афишировать ваше участие в греческой борьбе, – предложил Каподистрия, отметив про себя, что при госте не решился назвать борьбу «нашей».

– Да уж, лучше помалкивать, – согласился Печерский. –

Надеюсь, что это нигде не всплывёт.

– А что бы вы хотели делать?

Гость надменно вскинул бровь (нет, ничему-то его все-таки жизнь не научила!) и заявил с интонациями избалованного ребёнка:

– Я умею лишь воевать! Но в регулярной армии не служил, а корнетом в тридцать лет не пойдёшь.

Иоанн Антонович вздохнул:

– Да, это осложняет дело. Если только в жандармский корпус, там корнетов нет.

– Похоже, что мне выбирать не приходится. По статской линии я служить не могу, вы же знаете, как хромает моё образование, – уже с раздражением отозвался гость.

Каподистрия опустил глаза. Он не понимал своего гостя. В молодости Ваню тщательно скрывал своё невежество, а сейчас, казалось, даже бравировал им. И графу захотелось поскорее завершить этот неприятный визит.

– Я могу поговорить с Бенкендорфом. Ходят слухи, что затевается реформа Министерства внутренних дел, похоже, что он в этом деле станет одним из главных действующих лиц. Я попрошу его, – пообещал Каподистрия.

Он был рад сделать хоть что-нибудь для человека, рисквавшего жизнью ради свободы Греции. Впрочем, найденное решение подвернулось вовремя, и теперь Иоанну Антоновичу оставалось только перетерпеть формальную застольную беседу...

Когда за полчаса до полуночи за гостем наконец-то захлопнулась дверь, Каподистрия вздохнул с облегчением.

Письмо от графа Каподистрии принесли так рано, что Бенкендорф ещё не успел уехать на службу. Он вскрыл конверт и прочёл краткую просьбу о встрече, изложенную в элегантной манере прежних времен. Александр Христофорович ответил сразу. Написал, что, ждёт гостя в три часа пополудни, и отдал записку посыльному.

Бенкендорф еле успел вернуться к назначенному часу: напольные часы – единственное украшение скудной обстановки его кабинета – как раз начали бить три, когда в глубине квартиры звякнул дверной колокольчик. Генерал сам вышел к гостю и с лёгкой завистью отметил, что хитрый грек – всё такой же прямой и стройный – совершенно не постарел.

– Милости прошу! Рад снова вас видеть, Иоанн Антонович. Смотрю, вы по-прежнему молодцом, годы вас не берут, – заулыбался Бенкендорф.

– Спасибо, Александр Христофорович, – поблагодарил Каподистрия, просиял такой же широкой улыбкой и вернул комплимент: – Вы тоже почти не изменились.

Бенкендорф проводил графа к двум парным креслам у маленького круглого стола и предложил:

– Не желаете ли выпить? Может, водочки? Супруга сама её готовит. Или вина?..

Гость отказался:

– Спасибо, нет. Я не хотел бы отнимать у вашего высокопревосходительства много времени. Позвольте мне сразу перейти к делу, из-за которого я вас побеспокоил.

– Слушаю...

– Александр Христофорович, вы знаете, что скоро новый государь подпишет моё прошение об отставке, но даже если этого и не случится, к министерским делам я больше не вернусь. Сейчас я заканчиваю свои дела в Петербурге и раздаю долги. Один из них является для меня долгом чести. Однажды, когда я упал с лошади и сильно покалечился, меня спас благородный молодой человек. Я хотел бы помочь ему устроиться в жизни, но теперь уезжаю из России и не смогу больше ничего сделать. Я ищу для своего протеже скромное, но достойное место службы. Он не слишком образован, так что по статской линии ему ходу нет, но вот по жандармской стезе или порученцем он вполне мог бы преуспеть. Я слышал, что вы после коронации получите назначение на особую должность, связанную с охраной государства, и взял на себя смелость заранее попросить за своего друга.

У Бенкендорфа похолодели руки. Мысли его заметались, как ласточки перед грозой. Для него не было секретом, что озвученный графом Иоанном слух уже циркулирует в столице, но, если сам многоопытный Каподистрия говорит о назначении как о деле решённом, это что-то да значило. Только бы сохранить невозмутимость – не подтвердить, но и не опровергнуть предположения гостя! Александр Христофо-

рович заулыбался. Полюбопытствовал:

– А имя у вашего протеже имеется?

– Граф Иван Печерский.

– Это тот самый молодой человек, что устроил скандал на вашем приёме? – тут же вспомнил Бенкендорф. – Вы уж не обессудьте, на такие вещи у меня память хорошая – служба требует.

Каподистрия подтвердил:

– Да! Он был безрассудным юношей. Но сейчас вырос и поумнел...

– Возможно, – согласился Бенкендорф, – но дело-то в другом. Я так понимаю, что вы сначала благоволили к нему, а после скандала удалили. Почему сейчас вы вдруг изменили своё мнение?

Он внимательно вглядывался в лицо Каподистрии. Что могло связывать рафинированного дипломата с примитивным, как куча песка, юнцом, чуть не устроившим драку на глазах всего света? Печерский, несмотря на свой графский титул, показался тогда Бенкендорфу настоящим дуболомом. Неужели это интимное?.. Очень может быть, ведь граф Иоанн так и не женился. Впрочем, по лицу этого грека ничего не поймешь – спокоен, как гранит.

– Я уже несколько лет живу за границей, вот и потерял графа Печерского из виду, а в этот приезд он сам разыскал меня и попросил о помощи, – объяснил Каподистрия и с изрядной долей сарказма добавил: – Я ни в коем случае не хо-

тел бы обременять вас неудобной просьбой. Возможно, мой молодой друг найдет себя на военном поприще, я побеспокою Александра Ивановича Чернышёва – он после коронации получит военное министерство. Прошу, ваше высокопревосходительство, простить меня за назойливость.

Вот оно, озарение! Как любил повторять великий корсиканец, удача всегда следует за героями. Стоило лишь задумать толковую интригу, как судьба тут же послала орудие. Бенкендорф просиял улыбкой:

– О чём вы говорите?! Я рад оказать покровительство графу Печерскому. Пусть он завтра утром, часам к одиннадцати, придёт сюда, и мы побеседуем.

– Благодарю, – кивнул гость, – буду премного обязан.

Он тут же откланялся, а Александр Христофорович вновь вспомнил о письме сестры. Видела б его сейчас Долли, сразу бы взяла все свои упреки обратно! Как он только что убил двух зайцев: оказал услугу влиятельному греку и, похоже, нашёл-таки подходящего человека для собственных дел.

Забавно, что именно грек привёл ему Троянского коня, оценил генерал. Как видно, со времен Гомера ничего в этом мире не изменилось.

Бенкендорф налил себе стопку. Выпил. Анисовая пошла мягко – как приласкала. Не принято пить одному... А если праздник? Если обмываешь удачу и такую интригу, о которой приходится молчать?.. Александр Христофорович потянулся за графином. За удачу!.. Сегодня это всё-таки случи-

лось. Немного ума, немного ловкости, терпения и выдержки, и он получит наконец то, что давно заслужил. А там, глядишь, и на невозможное замахнётся.

Глава седьмая.

Конфискация имущества

Это невозможно!.. Это просто немыслимо!.. Софья Алексеевна не верила собственным глазам. Как можно наложить арест на имущество, когда есть ещё и девочки?

Графиня так и стояла в вестибюле, куда её вызвал дворецкий, сообщив, что прибыл нарочный с бумагами. Она приняла у засыпанного снегом курьера пакет и, поскольку тот сказал, что ответа не требуется, отпустила его. Софья Алексеевна вскрыла круглую печать с грозным самодержавным орлом. Начала читать. Она сначала даже не поняла, чего требуют от неё в официальной бумаге с красиво выведенным заголовком «Предписание». Наконец, прочитав от начала и до конца, убедилась, что это не шутка. Какая-то комиссия предлагала всем родственникам государственного преступника Владимира Чернышёва освободить занимаемые помещения, а ключи передать чиновникам Собственной Его императорского величества канцелярии.

Софье Алексеевне казалось, что это происходит не с ней. Нельзя же быть такой спокойной, если ты свалилась в пропасть... Наверно, нельзя. Так, может, это и не пропасть?.. А что тогда?..

Графиня вновь посмотрела на письмо. Нет, всё-таки про-

пасть. В одно мгновение из богатой и уважаемой дамы она превратилась в бездомную нищенку, а что хуже всего – её участь должны были разделить дочери. Она попыталась сообразить, что же из имущества семьи, хотя бы формально, не принадлежит сыну и может быть выведено из-под ареста. Теперь главное – не спешить, разложить всё по полочкам, тогда и решение найдётся. Софья Алексеевна прикрыла глаза и попыталась рассуждать здраво.

Все свои поместья она принесла в приданое мужу, а после его смерти они вместе с остальным имуществом Чернышёвых отошли Бобу как единственному наследнику. Дочкам отец оставил приданое в золоте. Его как опекун сестёр должен был выделить Владимир. Пару лет назад Софья Алексеевна надумала купить каждой из дочерей по имению. Однако до замужества сестёр купчие опять-таки были оформлены на имя Боба. Припомнила графиня, сын как-то вскользь заметил, что оставшуюся часть приданого он пока отдал в рост, но куда и кому, не уточнил.

Боже милостивый, как теперь жить?! Не осталось ни крыши над головой, ни денег! Сердце заколотилось. Грудь обдало жаром, а спина покрылась липким потом. Софья Алексеевна так надеялась, что эта трагическая история не затронет хотя бы дочек, но неразумность Боба ударила по всем членам семьи.

– Ну и что мне теперь делать?.. – прошептала она.

Ответа не было... Такое же ощущение полной опустошён-

ности испытала графиня после смерти мужа, и в тот раз ей понадобилось десять лет, чтобы прийти в себя. Но тогда с ней оставались малые дети, и она могла скрыться от всего света в любом из многочисленных поместий. Сейчас дети выросли и сами могли бы помочь матери, зато не стало убежища и средств. Софья Алексеевна так погрузилась в свои безрадостные мысли, что не слышала шагов за спиной.

– Вы здесь, мама?.. Что-то случилось? – прозвучал озабоченный голос Веры.

Расстроенная графиня молча протянула ей предписание. Вера прочла. Нахмурилась. Потом спросила:

– Они забирают всё? Вообще ничего не остается?

– Похоже, что так, – подтвердила мать. – Я пытаюсь сообразить, что же нам делать, и ничего не могу придумать.

– А наше приданое? Оно же было в деньгах. Мы могли бы на них жить.

– Ваш брат отдал часть денег в рост надёжному человеку, а на остальное мы купили каждой из вас по имению.

Софья Алексеевна вздохнула: она хотела осчастливить дочерей, а на самом деле обездолила их.

– Не нужно расстраиваться прежде времени, – заметила дочь, и мать удивилась: лицо её девочки вновь сделалось безмятежным.

Вера поймала на себе взгляд матери и порадовалась: маска спокойной уверенности выручила её (как, впрочем, и всегда в труднейшие моменты жизни). Может, кто-то и питал

иллюзии насчёт денег, но Вера слишком хорошо понимала, сколько стоит их привычная жизнь в российских столицах. Если сейчас быстро не найти хоть какой-нибудь выход, семья потеряет всё.

– Вы говорите, часть денег отдана в рост? Мы заберём их с процентами. Вот и выход из положения. Боб сказал вам, кому из ростовщиков он отдал свои деньги?

– Нет, дорогая, я не знаю. Он не вдавался в подробности. Может, мы найдём расписки в его бумагах? – ответила Софья Алексеевна.

– Но ведь кабинет обыскали, а документы изъяли, боюсь, что там уже ничего нет, – напомнила Вера.

– Да, я совсем забыла... Но мы обязательно спросим у него, когда увидим. Ведь нам не могут отказать в свидании!

Прочитав письмо, где одним росчерком пера их сделали нищими бродягами, Вера не слишком на это надеялась, но ободряюще кивнула и согласилась:

– Конечно, мы у него спросим.

Мать слабо, но улыбнулась. Даже за одну-единственную её улыбку Вера была готова на всё... В детстве они с сёстрами часто спорили, кому мама улыбнулась первой. Почему-то вспомнилась их детская в московском доме... Дом!.. Дом?.. Сердце вдруг заколотилось часто-часто. Боясь испугнуть удачу, Вера спросила:

– Кстати, вы когда-то говорили, что московский дом дедушка подарил вам уже после замужества.

– Да, а какое это теперь имеет значение?

– Значит, он писал дарственную?

– Так оно и было.

– Вот и замечательно – получается, что дом не входит в приданое и принадлежит лично вам, хоть это у нас осталось, – объяснила Вера.

Графиня в недоумении смолкла, а осознав, просияла:

– Боже мой, Велл, какая же ты умница! Я даже не подумала об этом. Значит, у нас есть крыша над головой?

– И есть деньги, просто нужно отыскать человека, которому они отданы. Давайте всё же посмотрим в кабинете Боба, вдруг мелькнёт хоть какая-то зацепка? Деньги обязательно оставляют след, значит, мы их найдём. Может, я пойду и посмотрю, что творится с бумагами, а вы с девочками поедете к бабушке? Она ведь уже заждалась.

– Так и сделаем, – согласилась графиня и слабо улыбнулась. – Что бы я без тебя делала?

– Но ведь я есть. Зачем ещё нужны дочери?

Мать сжала руку Веры и проводила её до дверей кабинета. Дочка права: им давным-давно пора ехать к тётке. Из-за этой кошмарной бумаги всё просто вылетело из головы. Старая графиня наверняка сердится... Впрочем, это-то как раз можно и пережить – главное, чтобы Вера нашла следы денег.

Отправив мать собираться, Вера осталась одна. Разорённый кабинет выглядел сиротливо. После обыска слуги кое-

как собирали с пола разбросанные вещи, но бумаг на виду не оказалось. Это – плохой знак! Похоже, жандармы их унесли. Вера открыла ящики и поняла, что права. Надежда выправить положение таяла на глазах.

«Вот и не стало приданого», – поняла Вера. За себя она не волновалась. Наоборот, когда её многочисленные кавалеры устремятся на поиски других невест, она почувствует облегчение, но вот сестры... За них она с радостью отдала бы жизнь. В памяти всплыли милые лица Надин и Любочки и исхудавшее – матери. Кто им, кроме неё, поможет? Чувство тревоги всё разрасталось. Захлестнула волна отчаяния. Что с ними теперь будет?! Вера сжала кулаки так, что ногти впились ей в ладони. Она не даст этой чёрной волне опрокинуть себя. Нет! Только не это! Она – опора семьи. Единственная опора!

– Я справлюсь, – поклялась себе Вера и вдруг поняла, что тьма в её душе начинает таять.

Человек смотрел из темноты. Так было даже лучше, ведь девушка двигалась в круге света – словно на сцене. Он различал мельчайшие складки на платье, тонкую оборку кружевного воротника, каждую прядку в тугих локонах, и, конечно же, он видел её лицо. Как можно осязать, не прикасаясь? А он мог! Он видел белоснежную, как молоко, кожу, и кончики его пальцев начинали дрожать только от одного предвкушения. Он знал, что под пальцами заструится бархатистое

тепло, а чёрные локоны окажутся, наоборот, холодными и шелковистыми. А какой изумительный рот! Нижняя губа – как будто слегка припухшая – очерчена идеальной дугой, а верхняя изогнута четко прорисованным луком. Бесконечное наслаждение – рахат-лукум.

Девушка ходила рядом, она не видела его и не боялась темноты. Похоже, что она вообще ничего ещё в жизни не боялась, но это – беспечность молодости. Никто не показал ей, что значит власть мужчины, не дал знать, где её место. Кровь вскипает в жилах наблюдателя. Пора выйти из темноты и поразить свою жертву. В этом была великая справедливость, ведь на свете всегда существуют лишь двое – охотник и жертва. Если ты не стал охотником, то непременно сделаешься жертвой. Впрочем, того, кто родился великим, этому учить не нужно, он просто не может жить иначе. Ну, а жертва должна соответствовать чаяниям охотника. Она такой и оказалась – изысканной и великолепной.

Человек делает шаг. Он выходит из темноты. Жертва кидается прочь. За ней!.. Куда она бежит? К дверям?.. Неужто они не закрыты?.. Ну ничего, он бежит быстрее. Дверь распахивается, и жертва вылетает из дома. В два шага добегают охотник до двери и вновь толкает её. Зимняя ночь кидает ему в лицо пригоршню снега. Хорошо, что идёт снег, красotka сразу же сбавит темп. Но где же она? Чёрный бок экипажа закрывает обзор. Надо просто обогнуть карету... Впрочем, даже этого не нужно: экипаж трогается с места и отъезжает.

Но улица пуста, и беглянки больше нет. Где же она? Уехала?.. Охотник кидается вслед экипажу, но серая пара летит вперёд. Она увозит жертву.

Скорее, её ещё можно догнать! Человек несётся так, что от боли разрывается сердце, уже нечем дышать. В бессилии валится он в киснувший на мостовой снег... и просыпается.

Экипаж! Это слово стучит в мозг. Экипаж! Экипаж! Экипаж!

Человек морщится. Нужно успокоиться и все забыть. Он закрывает глаза и дышит глубже. Постепенно дыхание выравнивается, стук в ушах умолкает. Вот ведь приснилась же такая гадость, а всё потому, что завалился спать днем. Больше он ни за что не станет так поступать – надо же побереечь здоровье.

Глава восьмая. В гостях у Загряжской

«Надобно побережь детей, хотя бы младшую, – размышляла Софья Алексеевна. – Зачем ещё и Любочку тащить с собой? Пусть остается дома – поиграет на фортепиано в своё удовольствие. А для визита хватит одной Надин».

Графиня переделалась в элегантное платье из лилового шёлка, водрузила на голову французскую шляпку, на плечи накинула соболью ротонду. Она придирчиво оглядела наряд – теперь нужно выглядеть даже лучше, чем всегда. Софья Алексеевна не хотела, чтобы её жалели. Впрочем, по-другому и не поступишь: свет жесток – беднякам и изгоям никто не помогает.

Графиня заглянула к Надин. Та уже собралась. В ярко-голубом бархатном платье и такого же цвета шляпке дочка была чудо как хороша. Горничная помогла ей надеть шубку. Надин застегнула крючки и завязала под пушистым воротником бант шёлкового шарфа.

– Я готова! – сообщила она.

– Тогда поехали, – решила Софья Алексеевна. – Тётя уже давно ждёт.

На улице хозяйничал мороз: сразу же защищал лица. Серьги через пару минут превратились в ледышки и неприятно

холодили уши. Надин прижалась к матери и спрятала руки в её большой пушистой муфте.

– Мама, Велл успела ко мне заглянуть. Так что я всё знаю, – прошептала она. – Но прошу, не надо расстраиваться, мы обязательно что-нибудь придумаем. Вот увидите, мы справимся: и Бобу поможем, и мужей выберем самых лучших безо всякого приданого!

Графиня чуть не заплакала. До чего же прекрасны её храбрые дочери и как же они наивны!

– Ох, милая, жизнь – штука сложная, – голос Софьи Алексеевны задрожал. – Боюсь, что без приданого вам будет трудно рассчитывать на хорошие партии, а тем более после того, что случилось с вашим братом. По крайней мере, не в ближайшее время.

Надин фыркнула:

– Ну, уж нет! Обещаю, что сделаю блестящую партию, причем в этом сезоне. Самый богатый и знатный жених достанется именно мне.

– Я буду только рада, – вздохнула графиня.

Ей не хотелось раньше времени разочаровывать дочку. Зачем, коли жизнь разберётся сама? Вздохнув, она замолчала. Надин тоже затихла.

«Интересно, кто в этом сезоне самый богатый и знатный жених? Наверное, какой-нибудь высокомерный болван, – размышляла она. – Немного ловкости – и его можно будет поймать на крючок, вот и все дела!» На какие крючки ловят-

ся выгодные женихи, Надин представляла смутно, но это казалось ей слишком незначительным фактом, чтобы принимать его во внимание. Она увлеклась своими мечтами и даже удивилась, обнаружив, что они прибыли к бабушкиному дому. Софья Алексеевна поднялась на крыльцо, Надин поспешила за ней. Дверь тотчас же отворилась, и в вестибюле они узрели возмущённую Марию Григорьевну. Сгибаясь под тяжестью длиннополой ротонды, та раздражённо бегала из угла в угол, покачивая в такт шагам огромным синим беретом с тремя перьями.

– Где это вы провалились, голубушки? – осведомилась она вместо приветствия. – Нас пригласили к Наталье Кирилловне, а вас всё нет и нет... Экипаж во дворе, садитесь скорее, а то совсем опоздаем.

– Извините, тётя, просто случилось непредвиденное событие, – отозвалась Софья Алексеевна.

– По дороге расскажешь, поехали, – заторопилась старая графиня и пошла впереди племянницы и внучки к выходу во двор.

Там их ожидал запряжённый парой большой экипаж. Привезённый когда-то из Франции, он прослужил, наверное, уже лет тридцать, но по-прежнему смотрелся блестящим и ухоженным. Сейчас его поставили на полозья, а кучер и лакей по-зимнему приоделись в толстые шинели.

Женщины уселись в карету и отправились с визитом к законодательнице столичных мнений Наталье Кирилловне За-

гряжской. По дороге графиня успела сообщить тётке о полученном документе и о том, что они с Верой надумали.

Румянцева как будто и не удивилась. Сказала, как о давно решённом:

– Переезжайте ко мне. Ты и так моя наследница, а девчонкам я кое-что приготовила к свадьбе.

– Спасибо, тётя. Но как же мы повиснем на вашей шее?.. Хотя... Вы даёте мне надежду выдать девочек замуж...

– Да что вы говорите, мама?! – вмешалась оскорблённая Надин. – Мужчины должны сами добиваться нашей руки. Без всяких денег. Я выйду замуж без приданого. Бабушка может потратить свои деньги на что-нибудь другое.

Долго копившееся раздражение старой графини наконец-то вырвалось наружу:

– Не нужно меня учить, – отрезала она. – Ты подрасти сначала, а потом станешь советы давать! ...Кстати, мы уже приехали. Не болтайте лишнего в присутствии слуг...

Софья Алексеевна и Надин лишь покорно кивнули.

Мария Григорьевна Румянцева дружила с Натальей Кирилловной Загряжской ровно с тех пор, как обе они стали фрейлинами у императрицы Екатерины Великой. Эту дружбу не разрушили ни смена царствований и веяний при дворе, ни ревность, возникавшая иногда между лучшими подругами, ни взбалмошный характер Натальи Кирилловны. Может, так вышло потому, что Румянцева всё подруге прощала. Кто

знает... Дружба – штука не из простых. Как бы там ни было, красавица Мария Григорьевна так и осталась в девицах, а некрасивая Наталья Кирилловна вышла замуж, удочерила племянницу, вырастила её, выдала замуж за графа Кочубея и теперь доживала свой век в этом богатом семействе. В доме зятя она имела отдельные покои, и все в столице знали, что именно в её гостиной играют по-крупному.

Софья Алексеевна, бывавшая в этом доме ещё во времена своей юности, отлично знала дорогу, поэтому отпустила лакея и осторожно повела тётку по лестнице к кабинету Загряжской. Постучав, они вошли в просторную квадратную комнату, плотно заставленную массивной старинной мебелью. Тут Загряжская принимала личных гостей. Сейчас Наталья Кирилловна сидела в кресле у окна – раскладывала пасьянс на инкрустированном перламутром столике.

– Мари, Софи! – с радостью вскричала она, поднимаясь навстречу вошедшим, и Софья Алексеевна с грустью осознала, что старушка совсем исхудала и согнулась. – Наконец-то вы ко мне приехали. А это кто? Верочка?

– Тётя Натали, позвольте представить вам мою дочь Надежду, – поправила её графиня, назвав Загряжскую так, как и тридцать лет назад.

– Надин! Бог мой, как ты выросла. Стала настоящей красавицей!

Девушка сделала изящный реверанс и лучезарно улыбнулась.

– Сонюшка, моя Мари желала посмотреть на твоих дочек, думала, ты всех привезешь, – сообщила Загряжская.

Она позвонила в серебряный колокольчик и приказала мгновенно появившейся горничной, чтобы та отвела барышню к хозяйке дома. Выждав, пока за Надин закроется дверь, Загряжская приказала:

– Ну а теперь, Софи, расскажи всё как есть. Ничего не пропускай, сейчас любая мелочь может оказаться важной.

Софья Алексеевна собралась с мыслями и начала свой рассказ с того ужасного дня, когда сын узнал о восстании, и закончила сегодняшними событиями.

– Вот так обстоят дела. У нас остался только московский дом, ну и, возможно, деньги, отданные неизвестно кому, – грустно признала она. – О сыне я ничего не знаю и даже не понимаю, к кому обратиться. Моя надежда только на вас да на Александра Чернышёва, он при покойном императоре был в большой чести.

Услышав последнюю фразу, Загряжская чуть не подпрыгнула от возмущения:

– Ну, ты даёшь, мать моя! Ты с кем меня равняешь? Да этот Чернышёв – настоящий подлец! Я вчера ему от дома отказала – написала письмо, что больше его не принимаю, посмотрим, где он теперь играть будет. Ни у кого больше таких ставок нет, как у меня.

– Но почему, Натали? – поразились Румянцева, – ты что, поймала его на шулерстве?

– Бери выше! Вы знаете, что моя дочка – статс-дама, да к тому же в большом фаворе у императрицы-матери. Так вот, Мари вчера вернулась из Павловска вне себя от изумления. Государыня сама ей сказала, что Чернышёв подал императору прошение. Умолял пожаловать ему право наследования майората и графский титул Захара Чернышёва, арестованного за участие в восстании. Императрица дала понять, что она посоветовала сыну не принимать такого решения второпях, ну а я раздумывать не стала и тут же сообщила этому наглецу, что ноги его у меня больше не будет!

– А что, графа Захара уже осудили? – обомлела Софья Алексеевна, сразу подумав и о собственном сыне.

Загряжская проворчала:

– Никого пока не осудили, иначе я бы знала. Такой слух мимо меня не прошёл бы. Создана комиссия, где первую скрипку играет как раз этот самый Чернышёв. Ещё там заседает Бенкендорф – брат жены посланника в Лондоне, Долли Ливен, но я его почти не знаю. Туда же включили и Мишеля Сперанского. Ходит слух, что заговорщики хотели привлечь его на свою сторону, назначить в правительство, когда победят. Вот новый император и проверяет его лояльность, заставляя судить тех, кто его так высоко ценил.

– Да ведь это же настоящее иезуитство! – всплеснула руками Мария Григорьевна. – Как так можно? Какая жестокость!

– Это жизнь, со всеми своими неприглядными сторонами, – возразила Загряжская.

– И что? Вы думаете, что он сможет осудить таких, как мой сын, тех, кого даже не было в столице во время восстания? – испугалась Софья Алексеевна.

– Я не знаю, дорогая, – вздохнула Загряжская, – но помочь тебе встретиться со Сперанским не могу – он нигде не бывает. А вот с командиром сына ты поговоришь. Я знаю, что он сегодня должен был приехать к Кочубею, и попросила зятя привести этого Горчакова ко мне. Пусть командир тоже замолвит словечко за своего офицера.

Радость окрасила румянцем бледные щеки Софьи Алексеевны.

– Ах, тётя Натали, а я и не догадалась. Какая прекрасная идея!

– погоди радоваться, будешь меня хвалить, когда что-нибудь получится, – отозвалась Загряжская.

Громкий стук прервал их разговор. В дверях сначала появился сам Виктор Павлович Кочубей – высокий, всё ещё стройный, с красиво седеющей головой, а за ним вошёл очень рослый шатен в белом мундире кавалергарда.

– Маман, выполняю вашу просьбу и представляю вам князя Платона Сергеевича Горчакова, командира лейб-гвардии Кавалергардского полка, – объявил Кочубей. Заметив, что тёща в комнате не одна, и узнав приехавших дам, воскликнул: – Софи, Мария Григорьевна, добро пожаловать! Позвольте мне и вас познакомить с Платоном Сергеевичем.

Он назвал гостю имена обеих женщин и вопросительно

глянул на Загряжскую, ожидая подсказки, что делать дальше. Старушка поднялась с кресла. Уцепилась за руку зятя и попросила:

– Отведи меня, голубчик, в гостиную, там, наверно, уже новые колоды разложили. Мою подругу тоже не забудь, предложи ей другую руку, а то как бы мы с ней не попадали – года наши уж больно сильно нас к земле тянут.

Она бросила острый взгляд на Румянцеву, и та с готовностью поднялась. Хозяин дома вывел старушек из комнаты, и Софья Алексеевна осталась наедине с гостем. Тот, казалось, слегка растерялся. Огляделся по сторонам. Предложил:

– Позвольте, сударыня, проводить и вас. Я, правда, не знаю, куда идти, но надеюсь, что это недалеко.

– Прошу, уделите мне пару минут. Я не задержу вас надолго, а потом покажу, где находится гостиная.

– Охотно...

Кавалергард выглядел удивлённым. Графиня собралась с духом и призналась:

– Вы, наверное, не поняли, но я – мать Владимира Чернышёва. Мой сын служит под вашим началом. Я приехала в столицу, чтобы помочь своему ребёнку. Когда произошли эти печальные события, Владимир был в Москве. Он не участвовал в восстании. Помогите мне донести эту простую истину до тех, кто занимается делом арестованных, тогда мой сын выйдет на свободу и вернётся домой.

Горчаков молчал. По мере того как Софья Алексеевна го-

ворила, он всё сильнее мрачнел, и графине даже показалось, что лицо её визави превратилось в маску скорби. Впрочем, его ответ не заставил себя ждать:

– К сожалению, я не тот человек, слова которого будут полезными. Единственное, могу подсказать, что всем в комиссии заправляет ваш дальний родственник – Чернышёв. По крайней мере, свидание с арестованными нужно просить у него. Надеюсь, что вам он не откажет. Ну а теперь позвольте откланяться. Передайте мои извинения мадам Загряжской, а с Виктором Павловичем я свои дела уже завершил.

Горчаков поклонился остолбеневшей Софье Алексеевне и вышел.

«Вот и началось, – поняла графиня. – Теперь так будут поступать все без исключения. Никто помогать не станет». Она добрела до гостиной, где в двух словах сообщила тётке и Загряжской, что ничего не получилось, а командир кавалергардов отказался хлопотать за своего подчинённого.

– Надо же! Горчаков кажется приличным человеком, а сам – обычный трус, – с горечью заметила Румянцева.

– Я не могу осуждать его, тётя. Боюсь, что в столице найдётся мало желающих помочь бедным офицерам, виновным лишь в том, что они были по-юношески наивны.

Сил у Софьи Алексеевны больше не осталось. Она хотела одного – уехать домой. В гостиную вернули Надин, и расстроенные женщины тут же уехали. В молчании добрались они до особняка Марии Григорьевны. Старая графиня со-

шла, а остальные уехали к себе – на Английскую набережную. Румянцева специально отпустила их. Хотела побыть одна. Подумать. Почему-то ей казалось, что князь Платон не сам так решил, а действует по указке Чернышёва. Вроде бы Горчаков выглядел достойно. Чем же его так зацепили, если князь Платон забыл о порядочности и чести? Да если рассказать о таком поступке в свете, все перестанут его принимать!.. Или не перестанут? Вдруг сочтут его поведение разумным?.. Старая графиня огорчённо вздохнула, и Бунич, развлекавший её рассказом о последнем маскараде, замолчал, а потом и вовсе развёл руками:

– Сдаюсь, драгоценнейшая Мария Григорьевна. Сегодня моё остроумие не находит отклика в вашей душе. Не стану надоедать. Вижу, что вы сильно озабочены. Иди я вдруг могу чем-нибудь помочь?

– А ты знаешь, дружок, ведь и впрямь можешь. Напомни мне, наша с тобой соседка Катя Оболянинова не за князя ли Горчакова замуж вышла?

– Да, за него. С чего это вы про неё вспомнили?

– Да, похоже, я с её сыном нынче познакомилась, – поморщилась Румянцева. – Редкостным поганцем оказался этот князь Платон.

– Ну а чему же вы удивляетесь? Какова семья – таков и сын. Если в этом семействе не было ни чести, ни совести, какими могли вырасти дети? Припомните, чем кончилось замужество нашей соседки!

– А-а-а! Действительно... – протянула старая графиня, вспомнив уже подзабытую историю, некогда всколыхнувшую обе столицы. – И как же я об этом запомнила? Если бы знала, не стала бы совсем с Горчаковым дела иметь. Спасибо, что раскрыл мне глаза. Надо же, и впрямь яблоко от яблони... Впрочем, может, я и ошибаюсь. Чужая душа – потёмки...

Глава девятая. Платон Горчаков

Душа изнывала от боли. Жить не хотелось... Платон закрыл глаза и мысленно досчитал до десяти. Тихо кашлянул – попробовал голос. Вроде получается. Можно говорить.

Он запахнул полость в саях и велел трогать. Как выбросить всё из головы? Как всё забыть?.. Милая дама – мать его подчинённого Владимира Чернышёва – не поверила ни одному его слову. Наоборот, посчитала командира кавалергардов обычным трусом. А ведь Платон сказал ей истинную правду. Его заступничество не помогло бы её сыну. Князь Горчаков уже обошёл всех влиятельных людей столицы и знал, какими будут ответы. Он уже просил за арестованного – собственного младшего брата. Борис оказался в одной лодке и с сыном этой дамы, и со всеми остальными вольными или невольными участниками декабрьского восстания. Платон уже говорил со Сперанским, с Бенкендорфом и с Чернышёвым, за этим же он приезжал и к Кочубею – ходили упорные слухи, что новый царь уже предложил Виктору Павловичу вернуться к делам.

Только Кочубей и обнадёжил сегодня Платона, пообещав сделать всё, что в его силах, дабы облегчить участь Бориса Горчакова. Остальные ответили отказом. Самый тягостный разговор получился со Сперанским, тот заглядывал в лицо собеседника безнадёжными слезящимися глазами и ти-

хо объяснял:

– Голубчик, ведь умышление на цареубийство карается по закону четвертованием, а все члены тайного общества, по крайней мере, обсуждали этот вопрос. Они поголовно сей факт подтвердили.

– Но ведь это лишь разговоры! Мой брат не участвовал в восстании, он находился в своём полку и виновен лишь в том, что, будучи проездом в столице, обсуждал с приятелями возможность реформ, – стоял на своём Платон. – Если бы это было серьёзно, Борис поделился бы со мной. Все молодые – идеалисты, моему брату всего двадцать три, он ещё не видел жизни и свято верит в благородные идеалы. Пять-шесть лет – он остепенится и растеряет иллюзии.

Сперанский лишь вздохнул:

– По-человечески – всё так, а по закону, не менявшемуся двести лет, выходит иначе. Честно вам скажу, что формально избежать наказания невозможно, я надеюсь лишь на милосердие государя.

Горчаков не стал с ним спорить. Зачем, коли и так всё ясно? Он поспешил откланяться. Бенкендорф отказал Платону сухо – попросил не обращаться к нему с подобными вопросами. Чернышёв же долго и с наслаждением расспрашивал о взглядах и поступках Горчакова-младшего. Наконец он понял, что Платон не скажет про арестованных ничего порочащего, и высокомерно сообщил:

– Следствие ещё не закончено, и об участии преступников

можно будет говорить после того, как объективно определяют вину каждого.

Так вот и получилось, что ничего-то Платон не добился, кроме разрешения на свидание с братом.

Вспомнилось полупрозрачное лицо графини Чернышёвой. Её голубые глаза с блестящими в них слезинками смотрели с надеждой, а когда он отказал, в глубине этих глаз мелькнуло отчаяние, а потом всплыла безнадежность. Платон словно читал по лицу все её чувства, и вспоминать об этом было ужасно стыдно.

Нужно уходить в отставку! Какой он командир своим офицерам, если не может их защитить? Они не простят, что он своё влияние и связи направил на помощь собственному брату, а не подчинённому. Платон чуть не застонал.

Но как он мог выбирать? Борис – единственный родной человек, Малыш, последний из четверых сыновей когда-то счастливой семьи. Платон всегда обожал его, а после того как на войне сложили головы погодки Сергей и Иван Горчаковы, относился к Борису с отчаянной, почти отцовской нежностью.

– Я не уберег всех троих, – прошептал он.

Жизнь уже наказала Платона за былую категоричность. Надо было отпустить братьев с матерью, а не полагаться только на свои силы. Умом он понимал, что спасти жизни средних сыновей в беспощадной рубке двенадцатого года мать не смогла бы, но, может, она повлияла бы на их выбор,

отговорив поступать в гвардию.

«Братья никогда не говорили с ним о матери, – вдруг отчего-то вспомнил Платон. – Боялись? Или стеснялись? А теперь уже ничего не исправишь». Может, и Борис промолчал об участии в тайном обществе, потому что не верил старшему брату? Считал сухарём? Но этого не может быть! Платон чуть ли не душил Малыша заботой, досаждал нежностями. По крайней мере, в его любви Борис не сомневался.

Совість подсказала Платону, что не всё так просто. Может, брат и несильно ошибался на его счёт. Слишком уж властным и нетерпимым к критике стал в последнее время командир лучшего гвардейского полка России. Никто его не одергивал, а наоборот, все заискивали перед ним. Но неужели это такой непростительный грех – самую малость упиться величием, если полк ты получил не за красивые глаза, а за легендарную храбрость? Должно же прощать слабости тех, кого любишь! Так почему же Борис промолчал? Не доверял?..

Сани остановились на Невском, у построенного перед самой войной красивого доходного дома. Платон снимал здесь третий этаж. Квартира из восьми комнат была для него велика, но он выделил три смежные брату, и когда Борис приезжал в столицу, в их холостяцком жилище расцветал дух настоящего семейного дома.

Платон поднялся к себе, скинул шинель на руки денщика и прошёл в кабинет. Тихо гудела изразцовая печка, на столе горела лампа под зеленым абажуром. Эту большую, са-

мую любимую братом комнату обволакивали тепло и уют, но Платона не оставляла мысль, что Борис мучается в холодном, словно подземный ледник, полутёмном каземате.

Как он там выживает? Мерзнет небось... Вновь подкатило отчаяние, потащило в чёрную бездонную яму. А сомнения в очередной раз дернули чашу весов в самом мучительном споре. Этот спор не прекращался в душе Платона уже семнадцать лет. Наверное, пора написать матери. Она вправе узнать о том, что случилось с её младшим сыном.

Платон прижался спиной к тёплому боку печки, закрыл глаза и вспомнил их последнюю встречу. Вся в чёрном, бледная, княгиня Екатерина Сергеевна казалась невероятно красивой. Чёрный шёлк её наряда оттенял белую, как молоко, кожу, а синие глаза так же блистали слезами, как сегодня у графини Чернышёвой. Какие разные женщины! Одна – олицетворение любви к своему ребёнку и преданности семье, а другая, погубив собственного мужа и осиротив четверых сыновей, устроила свою жизнь вдали от дома и, по слухам, не бедствовала.

«Ну зачем мать связалась с этим немцем? Как будто ей не хватало семьи», – с привычным раздражением думал Платон. Каждый раз воспоминания о прошлом приносили чувство унижения. Он – боевой офицер, генерал-майор – так и не смог позабыть обиду опозоренного и осиротевшего юноши. И время не принесло облегчения – рана не заживала. Теперь-то Платон понимал, что ошибался, считая родите-

лей счастливой парой. Отец – обер-гофмейстер двора императрицы-матери, благородный и добрый человек – обожал свою красавицу жену. Та же относилась к мужу с почтением и нежностью, а своих сыновей, казалось, искренне любила. Все иллюзии Платона умерли в тот самый день, когда его отец погиб на дуэли. Самым отвратительным было то, что князя Сергея Горчакова застрелил не кто-нибудь, а любовник его жены.

Платон долго отказывался в это верить. Отец, уже пожилой, не слишком здоровый человек, не мог участвовать в поединке! Платон кинулся в Павловск, где жили родители и младшие братья. Вбежав в распахнутые настежь двери родительского дома, он понял, что всё – правда. Отец уже лежал в гробу в зеркальном бальном зале, а мать пребывала в своих комнатах наверху в полном отчаянии.

Платон сразу же направился к ней, но лучше бы он этого не делал. Увидев сына, Екатерина Сергеевна рухнула на колени и стала умолять о прощении. Её душа жаждала покаяния, и княгиня вывалила на Платона все свои грешные тайны. Она просила у сына прощения за то, что не была верна его отцу, чем сломала тому жизнь, и за то, что её последний роман переполнил чашу терпения супруга. Он вызвал любовника жены на дуэль. Барон фон Остен – в отличие от своего противника, военный и отличный стрелок – убил князя Горчакова, а сам в тот же день написал рапорт об отставке и выехал в родную Курляндию.

– Почему вдруг, мама?.. – в ужасе спросил Платон. – Отец так любил вас, мы были счастливы.

– Дело во мне, я – порочная женщина, – рыдала княгиня, ударяя себя кулаками в грудь. – Твой отец был святым! Я – недостойная грешница. Я тяготилась нашей жизнью, она казалась мне пресной и скучной. Я заслужила смерть! Пусть она придёт и возьмёт меня!

Ненависть, вскипевшая в тот миг в душе Платона, породила жестокость:

– Что это изменит? Это не вернёт отца! – отрезал он.

Платон больше не хотел видеть мать, а говорить с ней – тем более. С этой минуты он избегал её, что, впрочем, оказалось несложным, поскольку княгиня не выходила из спальни.

Отца похоронили торжественно, при большом стечении народа. Панихиду удостоила своим присутствием сама вдовствующая императрица Мария Фёдоровна. С сыновьями погибшего обер-гофмейстера она повела себя подчёркнуто нежно, а его вдову не удостоила ни единым взглядом. На следующий день в дом принесли высочайшее повеление княгине Горчаковой покинуть столицу. Мать тогда впервые после своей ужасной исповеди обратилась к Платону. Она робко сказала:

– Я могу забрать мальчиков и уехать в Москву, а ещё лучше – за границу. У Малыша слабые легкие, мы могли бы переехать в Италию.

Платона это взбесило. Она лишила его отца, покрыла семью позором, а теперь хотела отнять у него последнее. Собрала всю свою выдержку (очень хотелось казаться взрослым и сильным), он проронил:

– Я не думаю, что стоит распространять вашу опалу и на моих братьев. В будущем это может плохо сказаться на их репутации и карьере. Я стану им опекуном, а вы уезжайте.

Глаза матери налились слезами, лицо исказила жалкая гримаса. Она с отчаянием смотрела в окаменевшее лицо сына. Платон всё понимал, но не мог одолеть собственную боль. Княгиня повернулась и вышла из комнаты, а на заре простилась со старшими сыновьями, поцеловала спящего Бориса и уехала в Петербург. В тот же день она отплыла в Неаполь. Через год мать прислала из Рима письмо, где сообщала адрес, куда просила отсылать ей весточки о жизни и здоровье её детей. В качестве получателя писем в адресе значилась графиня ди Сан-Романо. Так молодые князья Горчаковы узнали, что их мать недолго оплакивала своё вдовство.

Платон писал ей крайне редко. Письма, отправленные им за прошедшие семнадцать лет, можно было пересчитать по пальцам. Екатерина Сергеевна этого как будто не замечала, её послания приходили регулярно и были полны нежности. Замолчала она только однажды, но почти на год, после известия о гибели средних сыновей. Потом мать вновь стала писать, правда, имён погибших детей не упомянула больше ни разу. А теперь в тюрьму попал Малыш!

«Что же делать? Сообщать ей или нет? Если написать, мать изведётся, а помочь ничем не сможет. Наверное, пока нет ясности, лучше погодить», – решил он наконец.

Понятно, что это – всего лишь отговорка, но Платон не мог переступить через гордыню и признаться матери, что не уберёт и младшего. Почему так вышло? Может, дело в большой разнице лет? Ведь, когда Малыш родился, его старшему брату уже исполнилось двенадцать. Неужели это так много, и они принадлежат к разным поколениям? Похоже, что так, ведь Платон лучше понимал несчастную мать своего подчинённого, чем собственного младшего брата.

Сегодняшний разговор с графиней Чернышёвой оказался последней каплей, и, как лавина с гор, на Платона обрушилась мучительная и безнадёжная тоска. Ну почему он не нашёл правильных слов? Побоялся сказать правду? Душа рвалась всё немедленно исправить. Объясниться. Рассказать, как сам впустую обивал чужие пороги, и предостеречь от того же Софью Алексеевну. Если он это сделает, чёрная тоска отступит, и он вновь сможет глядеть в глаза своим кавалергардам.

Нетерпение гнало из дома. Платон вспомнил, что мать его подчинённого была у Кочубеев вместе с графиней Румянцевой. По крайней мере, старушка могла сообщить, где в столице остановилась Чернышёва. Приняв решение, он велел запрягать. Через четверть часа денщик доложил, что сани ждут у крыльца. Можно отправляться! Он спустился вниз и

велел ехать на набережную Мойки. Искать дом графини Румянцевой.

Глава десятая.

Кошмарное объяснение

Дом старой графини Платон нашёл быстро. Вот только выглядел особняк неважно. Старый и облезлый, дом сильно напоминал заброшенную крепость – ни огонька в окне, ни фонаря у дверей. Но как только сани Платона приблизились к крыльцу, от дома отъехал нарядный лаковый экипаж, запряжённый парой. Выпрыгнув из саней, Платон предупредил кучера, что вернётся быстро, и взбежал на крыльцо. Постучал. Дверь сразу открылась, и в дверях возник молодой лакей.

– Я ищу графиню Чернышёву, – сообщил Платон.

– А какую? – поинтересовался слуга.

К этому вопросу Платон оказался не готов. Имя его сегодняшней визави вылетело из памяти. Он молчал, вспоминая...

– Да вы спросите у хозяйки, – предложил лакей и постоял, пропуская Горчакова внутрь.

Платон вошёл. В вестибюле оказалось полутемно – всё высокое двусветное пространство освещал единственный канделябр. Кроме лакея, стоящего у него за спиной, других слуг не было, а по широкой, ведущей на верхние этажи лестнице поднимались две дамы. Стройная девушка в тёмно-синем

платье поддерживала под локоть тяжело шагавшую старушку, закутанную в цветастую шаль. Женщины уже добрались до конца лестничного марша, и, если бы они ушли, Платон остался бы в глупейшем положении – в чужом доме, не зная имени дамы, которую ищет. Оставалось одно – окликнуть хозяйку дома и ее спутницу. Так он и сделал:

– Прошу простить, сударыни!.. Могу я увидеть графиню Чернышёву?

Женщины дружно обернулись, и Платон обомлел. С площадки лестницы чужого дома на него смотрела мать, такая же, как в его старых детских снах: высокая, с тонким станом, блестящими чёрными кудрями и очень яркими на белоснежном лице голубыми глазами. Ему вдруг померещилось, что ничего не случилось, и не было ужасного разрыва и всех этих пустых, мучительных лет, и что он вновь – мамин любимчик...

Его отрезвил грубый и резкий возглас:

– Зачем вам нужна моя племянница? Вы уже достаточно её сегодня расстроили.

Чтобы отогнать наваждение, Платону пришлось трянуть головой. В рассерженной старушке он узнал графиню Румянцеву и, собравшись с мыслями, объяснил:

– Я хотел бы побеседовать с ней по поводу нынешнего тета-тет.

– Вы что изменили мнение и решили помочь матери вашего подчинённого?

– Я не могу это сделать, но хотел бы объяснить, почему.

– Какое дело моей племяннице до причин вашего отказа?

Что так, что эдак – результат окажется тем же. – Старая графиня повысила голос, и её неприкрытая враждебность покорила Платона. – Оставьте при себе ваши объяснения, а если вам требуется отпущение грехов – так это не к нам, это вам, сударь, в церковь надо.

От такого явного оскорбления Платон остолбенел. Он ещё даже не сообразил, что ответить, когда старуха распорядилась:

– Велл, проводи его светлость, а Пашка пусть двери закроет, мы сегодня больше никого не ждём.

Девушка спустилась по ступеням и с непроницаемым видом миновала Платона. Указав на дверь, она жёстко сказала:

– Прошу вас уйти.

Лакей с готовностью надавил на массивную бронзовую ручку, приоткрыв дверную створку, и стал за спиной у молодой хозяйки.

Взгляд красавицы горел презреньем, можно было не сомневаться, что она, как и прежде старуха, не примет никаких оправданий. Платон молча поклонился старой графине, а для её молодой компаньонки даже пробормотал:

– Извините за беспокойство...

Ответа не последовало. Горчаков на мгновение задержался в дверях, вглядываясь в лицо девушки, так похожей на его мать. Та надменно вздёрнула подбородок, пухлый рот сло-

жился в брезгливую гримасу, а взгляд её глаз стал ледяным. Но чары рассеялись, и Платон вдруг осознал, что эта высокомерная барышня ему никто. Чужая. Незнакомая и неприятная женщина. Всего лишь похожая на мать, да и то не слишком. У матери глаза были ярко-синими, а у незнакомки они отливали необычным лавандовым блеском. К тому же княгиня Горчакова, как бы она в жизни ни ошибалась, всегда оставалась живой и страстной, а эта безупречная мадемуазель выглядела холодной, как ледышка. Не приведи бог оказаться рядом с такой моралисткой!

«Попробовал жить по совести – и получил промеж глаз», – констатировал Платон, усаживаясь в сани. Что ж, по крайней мере, он попытался, не хотят – не нужно.

Кучер тронул. Пока Горчаков пребывал в доме старой графини, пошёл снег, и теперь крошечные белые блески переливались в отсветах фонарей. За гранью световых пятен тьма казалась совсем непроглядной, плотной, морозно-опасной. Шагни чуть в сторону из золотистого круга, и поглотит тебя чёрная мгла, будто и не жил ты вовсе. Именно это Платон теперь и чувствовал: свет в его жизни погас, а морозная чернота беспощадно выжгла ему душу. Так, может, это и хорошо, что у него не осталось надежд? Зачем вообще оправдываться? Кому нужны его покаяния и объяснения? Одни иллюзии!.. Да пропади оно пропадом – людское мнение!

Мороз прихватил щёки. Платон растёр их, жестко, до боли давя на кожу. Вроде бы помогло: он вновь почувствовал

себя офицером, командиром полка, мужчиной, наконец. Посещение обернулось ушатом холодной воды, но, как видно, это ему и требовалось. Воля его проснулась, а слабость исчезла. Горчаков подумал о собственных делах и больше уже не колебался. Всё просто, как дважды два: завтра он пойдет на свидание с братом, а сегодня, не откладывая ни на минуту, напишет матери. Когда-то он обещал, что станет опекуном своим младшим братьям, пришло время держать ответ.

Впрочем, принять решение оказалось легче, чем его выполнить. Почти час просидел Платон над чистым листом, не зная, что и как писать. Это не стало для него новостью. Письмо всегда рождалось мучительно, и те несколько строк, что в итоге выходили из-под его пера, оказывались язвительно-любезными. Прошло семнадцать лет, а рана кровоточила, и лишь сегодняшняя встреча в доме старой графини что-то сместила в душе Платона. Эта надменная молодая девица так походила на его мать и в то же время была её полной противоположностью. Ледяное презрение во взгляде и то невозмутимое спокойствие, с каким она выгнала его, взбесили Платона.

«Ничего не знает, а берётся судить, – распаляясь гневом, обвинял он незнакомку. – Какая наглость! Как можно выносить приговор только на основании чужих суждений, не дав человеку оправдаться?.. Даже не выслушав?!»

Впечатления оказались на удивление мерзкими. Сначала его посчитали трусом, потом подлецом, да ещё и слизняком,

жаждущим отпущения грехов. Хотя, если уж быть до конца честным, он действительно хотел, чтобы Софья Алексеевна его простила. Зная о неизбежности отказа, Платон просто не мог второй раз пройти через напрасные унижения и хотел, чтобы графиня Чернышёва поняла это.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.